Matériaux inédits pour la biographie. Tome III.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ III.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе.

Сочиненіе А. В. СТЕПАНОВА.

ЛОНДОНЪ.
1895.

Кому не извѣстно, какъ жили наши цари и особенно царицы, кому не извѣстна та прискорбная для Русскаго истина, что едва ли одинъ изъ „Высочайшихъ дворовъ“, не исключая даже двора Людовика, такъ переполненъ самыми грязными и безнравственными событіями, какъ именно нашъ россійскій! Какъ ужасны всѣ разоблаченныя тайны Кремля и Зимняго Дворца и читая повѣствованія о нихъ, право, не вѣрится, чтобы „помазанники небесъ“ могли спуститься до того инфернальнаго жестокосердія, представителями котораго являются Иваны, Петры, Екатерины и т. под.

Остается удивляться той выносливости и упругости русскаго народа, здравый разсудокъ котораго не забитъ еще окончательно не смотря на всѣ превратности сыпавшіяся на его голову съ высоты престола.

Удивительно, и на первый взглядъ необъяснимо, что въ Россіи въ томъ самомъ вѣкѣ, когда русская женщина была заключена въ тѣсныя рамки восточнаго затворничества, на рюриковскомъ престолѣ царили преимущественно женщины и притомъ женщины самаго недостойнаго поведенія и нрава. Всѣ безъ исключенія изъ этой женской царственной плеяды, будучи номинально полновластными монархинями, въ дѣйствительности управлялись ихъ безчисленными любовниками.

На смѣну Екатерины I, дочери раба, послѣ краткаго царенія Петра II, вступила на престолъ Анна Іоановна, которую — послѣ нѣсколько недѣльнаго правленія

„младенца“ Ивана Антоновича — смѣнила въ 1740 г. Елизавета, дочь Петра Великаго.

Въ противоположность своей старшей рано умершей сестрѣ Аннѣ, Елизавета отличалась уже въ ранней молодости крайне развратнымъ направленіемъ. Она была одной изъ самыхъ низкопробныхъ и безпутныхъ русскихъ царственныхъ мессалинъ. Она была во сто-кратъ распутнѣе Екатерины I, распутнѣе Анны Іоановны и превосходила въ безстыдствѣ и половой извращеннрсти даже свою цербсткую преемницу Екатерину Великую. Но мы не станемъ преждевременно забегатъ впередъ и раскроемъ постепенно позорныя страницы біографіи Елизаветы Петровны и постараемся представить ее въ настоящей, ей присущей окраскѣ. Да простятъ намъ читатели которые въ нашемъ повѣствованіи вмѣсто тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, какими привѣтствовали ее наши доморощенные дворцовые барды, найдутъ одну лишь голую истину, ту ужасную въ тайнѣ хранимую придворными исторіографами истину, при видѣ которой читателямъ станетъ и душно, и тяжко ....

I.

Безконечныя оргіи, смѣнявшія одна другую, приковали наконецъ Петра Великаго къ постели. Схваченная имъ во время одной изъ его безчисленныхъ попоекъ венерическая болѣзнь, обнаружилась съизнова, и въ такой сильной степени, что дни „великаго“ преобразователя Россіи были сочтены. Но послѣдняго только и желали супруга его, Екатерина, и ея любовникъ Меньшиковъ. И въ сущности для нихъ возможно скорая развязка ни могла не играть важной роли, такъ какъ условія уже давно сложились такимъ образомъ, что

одной изъ этихъ двухъ партій необходимо нужно было долой съ арены и лозунгъ „или мы, или онъ“ и внушилъ Меньшикову прибѣгнуть къ помощи яда, чтобы ускорить развязку.

Князь Меньшиковъ, давно уже имѣвшій на своей совѣсти цѣлый рядъ самыхъ гнусныхъ проступковъ, извѣстныхъ между прочимъ и царю, давно уже причинялъ заботы Петру и Петръ не безъ основанія боялся что рано или поздно ему придется еще поплатиться за Меньшикова своей царственной головой. Въ былое время, если до ушей царя доходили жалобы на князя, онъ разсчитывался съ нимъ лично, бралъ плетку въ руки и дралъ своего свѣтлѣйшаго канцлера; теперь же угрожало Меньшикову, надъ головой котораго собрались ужъ слишкомъ черныя тучи, куда серьезнѣе наказаніе и поэтому возможно скорая смерть Петра была для него вопросомъ первой важности. Нужно было „спровадить“ его, такъ какъ кромѣ другихъ цѣлей, Меньшиковъ нѣтъ-нѣтъ да подумывалъ и о сохраненіи царской короны если не для себя, такъ по крайней мѣрѣ для дѣтей, а поправься Петръ, всѣ его замыслы и планы рухнулись бы навсегда и онъ навѣчно попалъ бы въ немилость. Но нисколько не лучше, если только еще не хуже, обстояло и съ августѣйшей супругой Петра. Эту, постоянно пьяную и почти полоумную женщину, „повелѣлъ“ Петръ годъ тому назадъ самымъ торжественнымъ образомъ короновать, и русскій народъ уже свыкся съ мыслью, что она по смерти царя взойдетъ на всероссійскій престолъ. Вѣдь ея ради измѣнилъ великій реформаторъ порядокъ престолонаслѣдія, по которому дотолѣ считался наслѣдникомъ старшій сынъ, и измѣнилъ его такимъ образомъ, что отнынѣ самодержецъ самъ назначаетъ себѣ достойнаго наслѣдника, будь это лицо мужскаго или женскаго пола, безразлично.

А само собою, кого же было и выбрать великому монарху, о которомъ историкъ Зуггенгеймъ говорить:

жившему и умершему свиньей, на прародительскій престолъ, какъ ни „благородную“ царицу, съумѣвшую возвыситься отъ простой солдатской дѣвки до августѣйшей супруги могуществейнѣйшаго европейскаго правителя?!

Итакъ Ея Величеству улыбалась заманчивая будущность и, казалось, препятствій для достиженія поставленной задачи не было, но чуть-чуть, было, всѣ эти иллюзіи не погибли. За годъ до своей смерти, сдѣлалъ Петръ не особенно-то для него какъ мужа пріятное открытіе, а именно, что Екатерина возвратилась къ своему прежнему безпутству и что находившійся при ея особѣ каммергерръ Монъ-де-ла-Кроа исполнялъ не только служебныя, но и кромѣ того кое-какія „другія“ обязанности.

Этотъ счастливецъ былъ сынъ французскаго шинкаря, случаянно забредшаго въ Москву и, попавъ въ милость царицы-матушки, онъ въ скоромъ времени былъ зачисленъ въ штатъ ея каммеръ-юнкеровъ, а затѣмъ и каммеръ-герровъ. Долго-ли, коротко ли продолжался этотъ романъ неизвѣстно, но только въ концѣ 1721 г. Петру удалось застать влюбленную парочку въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ и послѣ личнаго разсчета съ обоими плеткой, онъ велѣлъ арестовать Мона и чрезъ недѣлю на глазалъ Екатерины казнить, причемъ послѣдняя упала въобморокъ. Отсѣченную голову посадили въ спиртъ и Петръ приказалъ эту банку поставить съ спальню государыни, какъ украшеніе на память о любовникѣ, подъ страхомъ смерти воспретивъ удаленіе ея. — Сестру-же Мона, прежнюю любовницу царя, знавшую о преступной связи Екатерины, было повелѣно сослать пожизненно въ Сибирь, а съ нею еще и множество прочихъ виновныхъ.

Екатерина дрожала отъ страха и съ боязнью глядѣла въ близкую будущность. Но тутъ на ея счастье Петръ захворалъ и 8го Февраля 1725 г. „прилегъ и въ Бозѣ

опочилъ". Супруга-же его какъ истая христіанка позаботилась о томъ, чтобъ государь два раза причастился и простилъ и ей и Меньшикову всѣ ихъ гнусные проступки. Итакъ Петръ умеръ, неуспѣвъ даже назначить на мѣсто своей убійцы Екатерины другаго болѣе „достойнаго" наслѣдника.

II.

Евдокія Лопухина, первая жена Петра, отказавшаяся отъ него за его безпутный образъ жизни и получившая за это отъ него собственноручно извѣстную долю плетью, жила въ монастырѣ. Сынъ ея, Алексѣй Петровичъ, въ сущности законный наслѣдникъ, по настоянію второй жены Петра, Екатерины, въ 1718 г. былъ лишенъ всякихъ правъ на престолонаслѣдіе и обезглавленъ. Меньшиковъ уже позаботился о томъ, чтобы молодой царевичъ попалъ въ надежныя руки, чтобы вся воспитательная система вела къ тому, чтобы изъ Алексѣя вышелъ необразованный, юродивый малый, поставившій своей задачей, постриженіе въ монахи и, разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ и отреченіе отъ престола. Его „по его собственному желанію" готовили въ монастырь, но унаслѣдованная отъ отца испорченность сбила богомольца съ толку и онъ „помянувъ родителей" завелъ интрижку съ одной чухонкой, продолжавшуюся даже во время его брака съ брауншвейгской принцессой. И въ томъ оказалъ сынъ отцу своему честь, что вполнѣ по петровски билъ онъ свою жену, и даже смерть этой несчастной, какъ достовѣрно доказано, послѣдовала отъ этихъ побоевъ. Этотъ бракъ осчастливилъ Россію царемъ Петромъ II.

Но до 1715 г. Алексѣй Петровичъ жилъ сравнительно безбоязненно, тутъ вдругъ Екатерина родила сына (дотолѣ все дочерей) и, понятно, всѣ пружины

были пущены въ ходъ, чтобъ обезпечить корону въ рукахъ сына ея. Покорный слуга Меньшиковъ взялся за это „святое“ дѣло и несчастному Алексѣю Петровичу пришлось поклониться родинѣ-матушкѣ и бѣжать прочь. Онъ скрывался нѣкоторое время въ Неаполѣ, но вскорѣ былъ розысканъ и австрійскими агентами переправленъ въ Россію.

Побѣгъ Алексѣя объявили за государственную измѣну. Петръ, отецъ его, собственноручно нанесъ ему смертельный ударъ и неистовствовалъ надъ трупомъ сына до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ комокъ мяса. Генералъ Вейде, одинъ изъ „просвѣтительныхъ“ сотрудниковъ Петра, отсѣкъ топоромъ голову, но такъ какъ убитый царевичъ пользовался довольно большой популярностью и любовью среди бояръ и духовенства и Петръ и Екатерина должны были ожидать мести съ этой стороны за совершенное преступленіе, то и было рѣшено скрыть истину и объявить вѣрноподданнымъ, что молъ царевичъ умеръ отъ удара при прочтеніи приговора къ смертной казни. Одна изъ камеръ-фрейлинъ Ея Величества, одновременно и содержанка ея августѣйшаго супруга, по имени Анна Крамеръ, должна была снова пришить голову къ трупу, покойника обмыли, нарядили по царски, шею прикрыли широкимъ шарфомъ и уложили въ гробъ. Само собою, гробъ былъ выставленъ въ Петропавловскомъ Соборѣ для прощанія и ежедневно совершалось извѣстное число панихидъ. Нужно же было пустить пыль въ глаза и, правда, обманъ удался, какъ нельзя лучше.

Итакъ царица-матушка отдѣлалась отъ опаснаго соперника, путь для дѣтей ея къ трону былъ свободенъ и она уже въ душѣ ликовала, что ея сынокъ нѣкогда будетъ „царствовать на страхъ врагамъ“. Но боги сулили ей иное. Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Петровича, какъ будтобы въ отместку, молніей былъ убитъ ея сынокъ Петръ, ея надежда и радость.

Изъ мужскихъ членовъ дома Романовыхъ оставался такимъ образомъ всего лишь одинъ 9 лѣтній князь Петръ, сынъ семь лѣтъ тому назадъ замученнаго и казненнаго Алексѣя Петровича. Но объ этомъ дальше.

Итакъ Петръ Великій закраль свои „орлиныя очи“ и дѣломъ первой необходимости для его вѣрной супруги и вѣрнаго слуги Меньшикова было скрыть отъ публики смерть царя и не обнародывать этого до тѣхъ поръ, пока всѣ ихъ преступные замыслы не будутъ, какъ говорится, на мази. Нужно было спѣшить, нужны были люди, со стороны дворянъ угрожала опасность и Меньшиковъ пустилъ всѣ пружины въ ходъ, чтобъ упрочить за собой царскую корону. Извѣстно вѣдь, что старые дворянскіе роды какъ Рѣпнинъ, Голицынъ, Долгорукій, Головкинъ и др. были самые ярые враги петровскаго режима и всѣ надежды свои они только и возлагали на будущаго правителя, тогда еще мальчика Петра Алексѣевича. Этотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ возстановить попранныя Петромъ Великимъ дворянскіе права и преимущества и подъ правленіемъ его дворяне должны были опять занять мѣста допетровскаго времени и оказывать свое вліяніе на ходъ государственной жизни. Молодой царь долженъ былъ по ихъ предположенію объявить войну династическому абсолютизму и всей новой эрѣ къ коимъ топоръ и висѣлица прочишали дорогу. Виды дворянъ на скорый успѣхъ были довольно основательные и все шло, какъ слѣдуетъ, но вскорѣ замѣтила Екатерина успѣхъ своихъ враговъ и, разумѣется, нанесла имъ ударъ на смерть. Генералитету и офицерамъ были обѣщаны всевозможныя привиллегіи, кто на эту удочку не шелъ, того пыталисъ подкупить деньгами, и въ скоромъ времени — все это произошло втеченіе 7 дней — на ея сторонѣ оказалась сила, къ тому же нашелся и святой отецъ Өеофанъ Новгородскій, тотъ самый, который также вотировалъ въ пользу казни Алексѣя Петровича, за что и стяжалъ себѣ ненависть

со стороны дворянъ и вообще людей допетровскихъ воззрѣній. Этотъ архіепископъ, само собою по внушенію Ея Величества, не отказался даже въ отданіи присяги въ томъ, что-де умирающій Петръ въ его присутствіи объявилъ Екатерину своей достойной преемницей, и послѣ этой оффиціальной присяги, въ сущности ложной, такъ какъ ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, отданной святителемъ предъ войскомъ и народомъ, Екатерина I была провозглашена Императрицей и Самодержицей всея Россіи. Такимъ образомъ петербургская гвардія впервые вмѣшалась въ судьбы политической жизни, такъ какъ дотолѣ эта роль всецѣло игралась лишь „буйными“ стрѣльцами противъ Петра.

III.

Екатерина, родомъ крестьянка, „съумѣла“ подъ вліяніемъ на то призванныхъ людей подняться даже на такой высокій уровень, что могла съ величіемъ и достойностью носить державную корону святой Руси. Отецъ ея, Самуилъ, литовскій крѣпостникъ, жилъ со своей многочисленной семьей въ крайне стѣсненныхъ условіяхъ, въ имѣніи польскаго магната Запейя, гдѣ-то на лифляндско-польской границѣ. Даже фамиліи не имѣлъ этотъ бѣдный крестьянинъ, а звался просто Самуиломъ, какъ у насъ и по сю поруеще сохранилось въ помѣщичьемъ быту называть своихъ людей Ванькой, Петькой и т. д.

Одна изъ дочерей этого бѣдняка, по имени Марта, еще ребенкомъ была взята въ домъ лютеранскаго пастора Даута, который и позаботился вскорѣ о томъ, чтобы молодая католичка ознакомилась съ ученіемъ лютеранской церкви, а пасторъ Глюкъ въ Маріенбургѣ (въ Лифляндіи), къ которому уже подросшая Марта поступила въ услуженіе, довершилъ ея обращеніе и она перешла къ лютеранскому исповѣданію.

Въ Маріенбургѣ съумѣла наша героиня заручиться симпатіями въ шведскомъ гарнизонѣ, и красота ея и молодость, — ей было о ту пору 16 лѣтъ, — снискали ей множество поклонниковъ и одинъ изъ послѣднихъ, драгунъ Іоганъ предложилъ ей даже свое сердце и руку. Ихъ повѣнчали, и всю жизнь пришлось бы нашей Мартѣ маяться и жить въ нуждѣ, но Провидѣніе сжалилось надъ бѣдной солдаткой. Между Россіей и Швеціей разгорѣлась война и бѣдному супругу нужно было спѣшить на поле брани.

Русскія войска вторглись въ ту пору въ шведскую Лифляндію, заняли между прочимъ и городъ Маріенбургъ, и взяли въ плѣнъ горожанъ, въ числѣ коихъ находилась и Марта, а по военнымъ законамъ того времени, жены и дѣвушки принадлежали въ такихъ случаяхъ побѣдителямъ. Несчастный Іоганъ бѣжалъ съ полкомъ, оставивъ свою нѣжнолюбимую супругу на произволъ судьбы. Красота жены нашего драгуна скоро была замѣчена и ужъ многіе потирали руки, радуясь своему успѣху, своей важной добычѣ. Но не одни только простые смертные точили свой зубокъ на Марту. Командующій генералъ, Шерментьевъ, тоже сталъ на нее засматриваться и въ скоромъ времени сдѣлалъ ее своей любовницей. Но когда красивая солдатка попала на глаза всемогущему фавориту Петра, князю Меньшикову, послушный подчиненный оходно уступилъ ее послѣднему, за что и былъ вознагражденъ Меньшиковымъ. Ревнивый Меньшиковъ держалъ свою „добычу“ въ заперти, сдѣлавъ ее своей крѣпостной служанкой и позволяя ей сходиться только лишь съ ея товарками или съ людьми изъ ея сословія и званія, но въ особенности оберегалъ онъ ее отъ самого Петра и его сотоварищей по пьянству и дебошамъ. Мартѣ удалось такимъ образомъ свидаться и со своимъ мужемъ Іоганомъ, который за это время уже успѣлъ возвыситься до чина унтеръ-офицера.

Итакъ нашей красавицѣ приходилось служить двумъ богамъ: и Іогану, и Меньшикову, но вскорѣ къ этимъ двумъ прибавился и третіи богъ.

На одной изъ царскихъ попоекъ, Меньшиковъ въ пьяномъ видѣ давай хвастаться своей прелестной рабыней; завистливый и распутный Петръ потребовалъ отъ хвастуна, чтобы Марта тотчасъ-же была ему представлена и проболтавшемуся князю разумѣется ничего другаго не оставалось, какъ слушаться высочайшаго повелѣнія. Марту подвели къ Петру и она своей красотой или вѣрнѣе: своимъ жиромъ и мясомъ произвела на него такое выгодное впечатлѣніе, что царь тутъ-же на мѣстѣ „соизволилъ повелѣтъ" Меньшикову, уступить ему этотъ „литовскій жемчугъ".

Ее нарядили и зачислили въ штатъ слугъ государя, т. е. въ число женщинъ, которыя имѣли сопровождать его во время его дальнихъ поѣздокъ или походовъ.

Первое время послѣ этой исторіи Меньшиковъ чувствовалъ себя обиженнымъ и дулся на себя за неосторожность, вызвавшую такія грустныя послѣдствія, но вскорѣ сжился онъ съ этимъ и даже выдумалъ хитрецъ повернуть это дѣло такимъ образомъ, чтобы и польза отъ него осталась. Нужно было повліять на Марту и ужъ чрезъ нее оказать вліяніе и на самого царя. И правда, Литовская дѣвка и сынъ московскаго пирожника заключили противъ Петра опозиціонный кружокъ, и державный царь въ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни вполнѣ плясалъ подъ дудочку этихъ „сановныхъ особъ".

Слѣдуя наставленіемъ своего учителя, Марта вскорѣ съумѣла стать для Петра необходимой. О любви или ей подобныхъ чувствахъ тутъ и рѣчи не было: откуда было браться этому свѣточу въ такой гадинѣ, какъ Екатерина или въ такомъ развратномъ и распущенномъ человѣкѣ, какимъ былъ первый русскій императоръ! Будь даже Екатерина съ самого начала агнецомъ

чистоты и непорочности, она, войдя въ распутный кругъ Петра, волей-не волей, стала бы тѣмъ, чѣмъ она и въ дѣйствительности была. Тутъ нужно было съ волками по волчьи выть, и кого это коробило или въ комъ эта атмосфера вызывала отвращеніе, тому нужно было бѣжать, бѣжать какъ можно дальше....

Но наша Марта чувствовала себя въ этой „компаніи“ какъ нельзя лучше и не много времени потребовалось для нея на то, чтобы свыкнуться съ этой новой обстановкой. Кромѣ Петра была она крайне интимна и со своимъ благодѣтелемъ Меньшиковымъ, но и законный ея супругъ, храбрый унтеръ Іоганъ, тоже кое-когда отворялъ двери ея спальни, но несчастный въ одинъ прекрасный день попался и, Боже мой! какъ дорого обошлись ему эти визиты. Его отправили по высочайшему повелѣнію въ Сибирь, гдѣ онъ въ скоромъ времени и пропалъ безъ вѣсти.

Сердце Марта было крайне любвеобильно и она разсыпала дары этого сокровища на всѣ стороны, не обращая вниманія ни на званіе, ни на чины, ни на лѣта ея избранника. Ревности она не знала и, не сохраняя вѣрности Петру, она сквозь пальцы глядѣла на его распутства, и вотъ это-то отсутствіе чувства ревности и нравилось Петру въ его любовницѣ. Зугенгеймъ увѣряетъ, что послѣднее было даже главной причиной, связавшей Петра съ Мартой. „Она была не менѣе Петра распутна и это избавляло его отъ необходимости сдерживаться, давало ему волю въ разнузданности и не требовало отъ него того, чтобы Петръ уважалъ свою содержанку.“

Въ первопрестольной Москвѣ Марта въ третій разъ измѣнила свое исповѣданіе, присоединясь къ православной церкви. Петръ, незадолго до этого акта, при которомъ между прочимъ сынъ его Алексѣй игралъ роль крестнаго отца, въ честь котораго новообращенную и нарекли Екатериной Алексѣевной, объявилъ себя главой

православной церкви и такъ какъ по смерти его на престолъ вошла его дорогая супруга, то вмѣстѣ съ короной, Екатерина — прежняя католичка и протестантка — переняла и этотъ важный постъ и, право, остается только удавляться тому, о чемъ въ ту пору думали митрополиты и святѣйшій сvнодъ! А каково было при этомъ настроеніе молодаго царевича Алексѣя или матери его Евдокіи, заключенной о ту пору въ монастырь, — пусть ужъ судитъ читатель самъ....

При всемъ стараніи скрыть всѣ эти придворныя тайны, онѣ одна за другой всплывали на поверхность и недовольство именитыхъ дворянъ, державшихся прежнихъ „строгихъ правилъ" росло противъ Петра все болѣе и болѣе. Дальнозоркій Меньшиковъ хорошо зналъ, что съ этой стороны угрожаетъ серьезная опасность и нужно было исторію съ Екатериной обставить такъ, чтобы, какъ говорится, комаръ носа подточить не могъ.

Ее объявили въ попыхахъ женой царскаго повара. Нужно же было пыль въ глаза пустить и въ качествѣ законной супруги лейбъ-повара родила она въ 1708 г. дочку Анну, а въ 1709 — Елизавету.

Послѣдней выпало на долю украшать болѣе двадцати лѣтъ тронъ дома Романовыхъ. Была-ли Елизавета дочерью одного изъ Романовыхъ, трудно сказать, да къ тому же, по словамъ Гёте, справляться объ отцѣ ребенка считается крайне неприличнымъ и поэтому оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Во всякомъ случаѣ, по ея восшествіи на престолъ, этимъ вопросомъ не мало занимались, и происхожденіе ея отъ Петра считалось крайне сомнительнымъ. Это послѣднее даже дало поводъ Австріякамъ, находившимся въ то время во враждебныхъ отношеніяхъ съ Россіей, начать интриги противъ Елизаветы, пытаясь дискредитировать ее въ глазахъ Европы.

Но какъ бы то ни было, дѣло это было крайне сложное и до того запутанное, что едвали даже и Екатерина, мать Елизаветы, могла изъ него выпутаться. Кто

же отецъ этого ребенка? И кто мать-то его? невольно напрашивается этотъ вопросъ вслѣдъ за первымъ. Она — во первыхъ — законная жена драгуна Іогана, во вторыхъ — объявленная жена царскаго повара, въ третьихъ — нынѣшняя подруга и прежняя содержанка Меньшикова и въ четвертыхъ — избранная любовница царя. Трудно выбраться изъ этого лабиринта и поэтому ужъ послѣдуемъ тому, что говорилось объ Елизаветѣ въ придворныхъ указахъ и не откажимъ ей въ титулѣ „императорскаго высочества".

Дѣвочки росли, окруженныя заботливостью мамокъ и нянекъ и носили имя отца-повара, но послѣднее не долго. Въ скоромъ времени измѣнилось при дворѣ положеніе ихъ дорогой „maman": ее вдругъ стали величать „ваша милость", и стали замѣчать даже при офиціальныхъ событіяхъ на сторонѣ Петра. Всѣ раскрыли глаза, но въ сущности удивляться было нечему. Дворяне, съ пѣной у рта, ждали подходящаго момента, но Меньшиковъ съумѣлъ и ихъ держать въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ и долго имъ пришлось сидѣть у моря, да ждать погоды.

Въ 1711 г. Петръ велъ войну съ Турціей. Екатерина должна была слѣдовать за нимъ въ походъ и когда, благодаря какому-то стратегическому промаху съ русской стороны, Петръ оказался со всѣмъ своимъ генералитетомъ въ рукахъ турокъ, Екатерина прибѣгла къ хитрости, вошла въ переговоры съ турецкимъ полководцемъ, отъ котораго зависѣла участь Петра, съумѣла обворожить его своей красотой и паче того, подкупить его своими драгоцѣнными брилліантами.

Этимъ она спасла и Петра, и Россію и въ благодарность за этотъ подвигъ, Петръ рѣшилъ сдѣлать ее своей законной супругой. Но въ дѣйствительности это послужило только лишь предлогомъ, онъ его давно искалъ. Онъ повѣнчался-бы съ Екатериной и раньше, но боялся скандаловъ, такъ какъ вѣдь Евдокія еще была жива и,

разведясь съ нею, онъ по законамъ церкви не имѣлъ бы права жениться еще разъ. Но въ этомъ случаѣ Петръ не побоялся даже всѣхъ этихъ препятствій. Екатерина спасла отечество и эта честь, по его желанію, должна была принадлежать ей. Въ 1712 г. онъ съ нею торжественно обвѣнчался и короновалъ ее какъ правоспособную царицу. Годъ же до того, онъ повѣнчался съ Екатериной тайно, но приказано было считать годомъ ихъ бракосочетанія 1706 г., — нужно же было и Анну и Елизавету удочерить.

Итакъ Екатерина и ея наставникъ Меньшиковъ могли потирать отъ радости руки: первая часть ихъ плана была благополучно приведена въ исполненіе. Петръ, глава православной церкви, жилъ въ двоеженствѣ и былъ вполнѣ по рукамъ и ногамъ связанъ, но не врагами, а любимой и любящей супругой и другомъ и первымъ совѣтникомъ Меньшиковымъ.

Ставъ государыней, Екатерина съ удвоенной силой вела интриги противъ своихъ враговъ. Многихъ нужно была отправить по дальше, и ихъ отправили, многихъ нужно было съ пути долой — и ихъ удалили. Алексѣя Петровича постигла такая же участь и его варварски спровадили на тотъ свѣтъ. Но крамола велась довольно послѣдовательно и когда самъ Петръ оказался на смертномъ одрѣ, рука заговорщиковъ не дрогнула даже и въ этомъ случаѣ, и Петръ умеръ прежде, чѣмъ ему слѣдовало.

IV.

Екатерина I правила недолго: всего лишь два года было ей суждена царствовать и властвовать самодержавно. Меньшиковъ по прежнему былъ коноводомъ. И если кто интересуется узнать, что ея величество за эти два года творила, то, право, приходится краснѣть

за несчастную родину, такъ какъ кромѣ самаго грустнаго отвѣта ничего дать нельзя. Изъ омута самаго низкаго разврата, изъ круга самыхъ безстыдныхъ оргiй, пьянства и дебоша наша царица не выходила, и каждый разъ, когда Меньшиковъ утромъ входилъ въ спальню своей державной повелительницы, было первымъ вопросомъ: „ну, Ваше Величество, что пьемъ мы сегодня?“ — она требовала себѣ крѣпкаго венгерскаго вина, закусывала бубликами, требовала очищенной и какъ свинья проводила день за днемъ на chaise-longue въ совершенно или въ полу-безсознательномъ видѣ. Трудно вѣрится всему этому, но это истина, горькая истина. Напомнимъ читателю, что секретарь саксонскаго посланника сообщалъ о ту пору своему королю объ Екатеринѣ, что „она вѣчно пьяна, вѣчно покачивается, вѣчно въ безсознательномъ положенiи“. И если ужъ кому другому не вѣрить, такъ этому секретарю, звали его Френсдорфомъ, не вѣрить нельзя.

Читать и писать Екатерина до конца своей жизни не умѣла, и если Меньшиковъ нуждался въ подписѣ указовъ или высочайшихъ манифестовъ, то подписывала ихъ шестнадцатилѣтняя поварская — что бишь я — императорская дочка Елизавета или же, если эти документы были спѣшны, то Меньшиковъ много не церемонился, бралъ перо и валялъ за свою царицу. Этотъ хитрецъ хорошо зналъ, что его хвостикъ во многомъ не чистъ, хорошо сознавалъ шельмецъ, что и августѣйшая его любовница — что это я право? — августѣйшая его повелительница за одно или другое его побранила-бы или и велѣла отодрать, такъ какъ своихъ личныхъ выгодъ онъ вѣдь ни на мигъ не упускалъ изъ виду и вотъ поэтому ему нужно было заботиться о томъ, чтобы царица какъ можно меньше сходилась бы съ прочими сановниками, какъ можно меньше принимала-бы иностранныхъ агентовъ и т. д. Двери дворца были открыты лишь фаворитамъ Меньшикова, лишь

маріонеткамъ его театра и преимущественно совершенно внѣ политики стоявшимъ „ихъ общимъ друзьямъ“ по безпутству и пьянству.

Саксонскій посланникъ Лефортъ характеризовалъ тогдашній зимній дворецъ вотъ какъ: „это омутъ интригъ, кабалы и дебошей; роскошь, безхарактерность, лѣнь и равнодушіе — видны тутъ во всемъ.“

Единственный вопросъ, къ которому Екатерина проявляла извѣстную толику интереса, это были заботы о наслѣдникахъ, о дѣтяхъ. Всего нарожала она 7 дѣтей, но въ живыхъ остались лишь дочери повара. Анна, старшая изъ нихъ была выдана замужъ за герцога Карла-Фридриха Гольштинскаго и этотъ принцъ вскорѣ пронюхалъ, что при дворѣ „возлюбленной“ тещи куда не худо живется, да и будущность куда завиднѣе гольштинской; сказано — сдѣлано, и нашъ принцъ пристроился около своей нѣжной belle-mère, да еще такъ пристроился, что даже и дѣла всемогущаго Меньшикова какъ будто бы зашатались.

Младшей-же дочерью, Елизаветой, Екатерина не особенно интересовалась; какъ прозорливая мать, она вмигъ поняла, что Лизанька проложитъ сама свою дорожку, совьетъ и сама свое гнѣздышко и она въ этомъ отношеніи судила удивительно правильно. Говорятъ: видно птицу по полету и Екатерина, видать, сразу узнала свою пташку по крылышкамъ.

Въ ту пору Лизанька состояла въ любовной связи съ простымъ рядовымъ Шубинымъ. По увѣреніямъ на то призванныхъ, это былъ ея первый любовникъ. Ужъ слишкомъ хотѣлось молодой царевнѣ возвысить своего Адониса въ чинѣ и званіи и несмотря на всѣ ея старанія и хлопоты, поднять его выше сержанта ей не удалось, но въ сущности въ любви вѣдь чины и т. п. главной роли не играютъ: онъ былъ здороваго тѣлосложенія — чего же было желать еще больше?

Ach, Lieschen, was willst du noch mehr?

Около того же времени Елизаветѣ было повелѣно обручиться съ двоюроднымъ братомъ Гольштинца — вѣрнѣе сказать: голоштанца, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ этихъ! —, съ епископомъ Любека, но послѣднiй умеръ и такимъ образомъ ему не было суждено вести столь многообѣщавшую невѣсту къ алтарю.

Кое-когда всплывали около Екатерины и ея деревенскiе родственники, и характерно то, насколько эта женщина была груба и неблагородна. Съ тѣхъ поръ какъ она повѣнчалась съ Петромъ, она ни разу не вспоминала о своихъ бѣдныхъ родныхъ и только во время одной изъ поѣздокъ въ Ригу, вспомнила Екатерина о существованiи этихъ родственниковъ. Она была у богослуженiя и по возвращенiи домой была остановлена сгорбленной, сѣдой старушкой, окруженной цѣлой кучей дѣтей. Это была мать Екатерины, теща великаго Петра. Бѣдняжка, всѣми забытая и оставленная, жила она въ имѣнiи Ленневарденъ въ Лифляндiи въ качествѣ поденьщицы, куда ее забросила судьба изъ Литвы. Екатерина приказала фонъ-Волфеншильду „оцѣнить" всѣхъ этихъ ея родственниковъ и по совершенной сдѣлкѣ откупила у него этихъ крѣпостныхъ. Ихъ тайкомъ привезли въ Петербургъ и поселили тамъ какъ царскимъ родственникамъ подобаетъ. Своего брата Карла произвела Екатерина въ графа Скавронскаго, зятя Генриха — въ графа Гендрикова, зятя Iоахима — въ графа Ефимовскаго. Чины, богатства и пр. посыпались на простыхъ мужичковъ со всѣхъ сторонъ, ихъ дѣтей произвели въ каммергерры, кого въ посланники, въ генералы и т. д. и нужно сознаться, всѣ эти посты были настолько легки что и наши вновьиспеченные сановники (что они грамоты не знали, это ужъ само собою!) исполняли ихъ вполнѣ какъ то требовалось. Зазвенѣла и деньга въ карманахъ нашихъ новыхъ графовъ и князей, и разумѣется столбовые дворяне и даже многiе заграничные принцы уже помышляли о томъ, какъ бы

посвататься тутъ, какъ бы урвать тутъ кое-что. О томъже, что эти высокопоставленныя особы еще два-три мѣсяца тому назадъ возили на поля навозъ, доили коровъ и носили вшивые жупаны, — о Боже мой, объ этомъ нынѣ говорить воспрещалось. Теперь ихъ возять, имъ кланяются, ихъ величаютъ. Даже польскій магнатъ Запейя, у котораго прежде жилъ въ крѣпостничествѣ отецъ Екатерины, подумывалъ, какъ бы покумиться или породниться съ ней и Воронцовымъ, Строгановымъ и Мюнихамъ „это счастіе" даже привелось испытать.

Но надъ головой Екатерины стала собираться буря. Ея склонность къ Гольштинцу причиняла Меньшикову не мало головныхъ болей и онъ уже сталъ бояться того, что этотъ пришлецъ чужеземный подставитъ ему ножку и что онъ чрезъ нее спотыкнется. Ужъ въ одномъ дѣлѣ (обрученіе Елизаветы съ любекскимъ епископомъ) поступила царица противъ намѣреній своего перваго министра, а тутъ вдругъ призываетъ она еще своего шурина въ государственный совѣтъ и надѣляетъ его голосомъ. Этого Меньшиковъ всего болѣе боялся, и нужно было энергично возстать противъ этого опаснаго parvenu. Но оказывая опозицію Гольштинцу, пришлось нашему злодѣю стать въ враждебныя отношенія и къ царицѣ, своей покровительницѣ. Послѣднее правда большихъ заботъ Меньшикову не представляло, на дружескія отношенія съ Екатериной онъ, по просту сказать, плевалъ. Нужно было съискать подходящее лицо, которое съ одной стороны направляло бы враждебныя стрѣлы противъ императрицы, съ другой же стороны вполнѣ прикрывало-бы стоявшаго за нимъ заговорщика.

Выборъ премьеръ-министра палъ на молодаго Петра Алексѣевича, внука Петра Великаго и сына замученнаго Алексѣя Петровича, жившаго совершенно замкнуто ото всего міра съ сестрой Наталіей. Меньшиковъ обѣими руками ухватился за этого 10ти лѣтняго мальчугана и во что бы то ни стало порѣшилъ выхлопотать

ему всероссійскую державу. Но намѣренія Меньшикова касались кромѣ этого и чего другаго: онъ „порѣшилъ“ посватать молодаго царя со своей дочерью и сестру царя со своимъ сыномъ, а ставъ разъ въ такія близкія отношенія къ правителю, Меньшиковъ думалъ добиться регентства, такъ какъ Петръ въ то время еще не былъ совершеннолѣтенъ. Разумѣется, при этомъ каждому было ясно, что хитрая лиса имѣла въ виду главнымъ образомъ личныя выгоды. А такъ какъ для приведенія всего этого въ исполненіе нужно было согласіе и съ внѣшней стороны, то Меньшиковъ подкупилъ домъ Габсбурговъ, посуливъ имъ за это на случай войны поставить 30000 солдатъ.

Все было готово и можно уже было приступить къ дѣлу, а тутъ вдругъ царица-матушка захворала, и захворала-то не на шутку.

Пьянство и чрезмѣрныя половыя излишества разстроили окончательно ея организмъ, начиналась водянка, въ груди обнаружились серьезные нарывы и врачи объявили ея состояніе крайне опаснымъ. Екатерина умирала, но ея новому недругу Меньшикову этотъ процессъ казался слишкомъ долгимъ и скучнымъ. Онъ не любилъ ждать. Въ 1726 г. было уже предпринято отправить Екатерину къ прародителямъ, отравивъ ея пищу, но заговоръ былъ еще во время открытъ. И покорный слуга своей самодержавной повелительницы не побоялся поставить ей сѣти и еще одинъ разъ. Извѣстно вѣдь, что сластолюбивая Екатерина (въ прямомъ а не переносномъ смыслѣ) имѣла привычку каждому посѣщавшему внутренніе ея аппартаменты мужчинѣ хлопать по карману или и обыскивать послѣдніе, чтобы узнать, не принесъ-ли онъ ей конфекты. И вотъ, разсказываетъ секретарь фонъ-Гельбигъ, въ одно прекрасное утро явился къ царицѣ Меньшиковъ съ докладомъ, Екатерина по своему обыкновенію требовала отъ него гостинцевъ, онъ, разумѣется, не отказалъ ей въ нихъ. Конфекты эти были

пропитаны ядомъ и Екатерина послѣ недолгихъ мученій отправилась къ праотцамъ. Было это 17го мая 1727 г. Оффиціально же было объявлено, что она скончалась отъ легочнаго нарыва.

За Екатериной Алексѣевной вошелъ на прародительскій престолъ хотя и 11ти лѣтній, но уже до мозга костей развращенный мальчикъ Петръ II. Первые четыре мѣсяца новаго правленія вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ Меньшикова: все плясало подъ его дудочку, и изо всего онъ высасывалъ то, что ему желалось. Прежній пирожникъ, за шутки и прибаутки полюбленный Петромъ I и возведенный сперва въ придворные лакеи, добившійся-же благодаря своей мудрой политикѣ до перваго сановника отечества, по старой привычки забавлялъ царя-ребенка своими побасенками. Повсюду пользовался этотъ всемогущій министръ почетомъ и уваженіемъ и правилъ страною de facto. Вѣнскій дворъ поспѣшилъ предложить ему почетный княжескій титулъ, въ русскомъ же дворянскомъ календарѣ Меньшиковъ значился подъ громкимъ титуломъ Герцога Ингерманландскаго. Грудь этого Бисмарка 18го вѣка была вплотную завѣшена первыми орденами, звѣздами, бриліантами какъ своей, такъ и чужихъ странъ.

Дочерямъ покойной царицы, а также герцогу Гольштинскому Меньшиковъ подъ предлогомъ гигіеническихъ соображеній воспретилъ посѣщать молодаго императора, опираясь на то, что епископъ Любекскій, женихъ Елизаветы, умеръ отъ оспы.

Старые дворяне и боярскія дружины разсчитывали, что со смертью Петра I и его жены умретъ и ихъ „западно европейскій режимъ“ и возлагали поэтому громадныя надежды на молодаго, новаго царя, но они ошиблись жестоко въ разсчетѣ. Въ Россіи о ту пору царилъ не Петръ IIой, а прежній московскій пирожникъ!

Всѣ сознавали необходимость въ удаленіи Меньшикова съ его поста, но никто не рѣшался выступить

съ этимъ требованіемъ открыто: его боялись, предъ нимъ дрожали, какъ предъ Иваномъ Грознымъ или позже предъ Емелькой Пугачевымъ.

Первымъ манифестомъ молодаго правителя Меньшиковъ заставилъ произвести себя въ генералиссимусы и это имѣло для него важное значеніе. Онъ былъ отнынѣ командиромъ всей гвардіи, а солдаты ему были нужны, необходимо даже нужны для приведенія своихъ преступныхъ плановъ въ исполненіе, они были нужны для козней противъ боярскихъ дружинъ.

Саксонскій посланникъ Лефортъ сообщалъ своему королю о томъ времени слѣдующее: „Никогда и никто не дрожалъ такъ отъ боязни даже предъ умершимъ самодержавнымъ императоромъ, какъ приходилось нынѣ дрожать предъ палачемъ Меньшиковымъ. Прежній деспотизмъ прямо-таки игрушка въ сравненіи съ теперешнимъ. Даже дышать свободно не разрѣшается: все трепещетъ отъ страха предъ этимъ палачемъ. То и дѣло велитъ онъ арестовывать и запирать въ тюрьмы людей, совершившихъ не государственные или уголовные проступки, а просто людей инаго съ нимъ мнѣнія, иныхъ воззрѣній, людей, въ которыхъ онъ „подозрѣвалъ“ своихъ враговъ . . . .“

Молодой царь въ первое время своего правленія былъ ничѣмъ инымъ какъ игрушкой въ рукахъ Меньшикова. Вскорѣ послѣ смерти Екатерины, онъ обручилъ Петра со своей дочерью Маріей, вторую же дочь помолвилъ съ герцогомъ Курляндскимъ. Богатства его росли невѣроятно и то, что ему добровольно или „изъ уваженія“ не неслось въ жертву, бралось имъ безъ церемоніи. Даже и царя съумѣлъ этотъ интригантъ скрутить и съузить въ его императорскомъ бюджетѣ, не говоря уже о князьяхъ да княгиняхъ: все было должно ему слушаться и въ дѣйствительности оно такъ и было. Гольштинецъ вскорѣ замѣтилъ, что со смертью дорогой тещи, его пѣсенка была спѣта и порѣшилъ по-добру,

по-здорову ѣхать во-свояси. Жена его, Анна Петровна, не мало пролила при этомъ слезъ, такъ какъ съ одной стороны знала, что у насъ на Руси ѣдятъ кашу-то съ масельцемъ, съ другой-же стороны — вѣдь и она обладала сердцемъ, которое одной любовью къ мужу не довольствовалось, тащить же всѣхъ любовниковъ съ собою она не рѣшалась. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда этой парочки изъ Петербурга, Анна родила и этому ребенку было суждено играть трагическую роль русскаго квазимодо — Петра IIIго, задушеннаго по высочайшему повелѣнію супруги этого несчастнаго субъекта, великой Екатерины II. Анна вскорѣ затѣмъ умерла и такимъ образомъ единственной дочерью Екатерины Iой осталась Елизавета Петровна.

V.

Итакъ Гольштинцы укатили въ свою заморскую страну и восмнадцатилѣтняя дѣвица Елизавета задумала серьезную шутку и рисковала при этомъ не только своей свободой, но и своей жизнью. Приходилось вести войну противъ Меньшикова, а для того, чтобы окончить ее успѣшно, нужна была лучшая артиллерія, нужны были громадныя силы. Полноправный царедворецъ обидѣлъ ея высочество тѣмъ, что приказывалъ ставить ея имя въ придворныхъ, церемоніалахъ и пр. по порядку за своей дочерью Маріей носившей въ то время уже титулъ „ея высочества“ и это, разумѣется, не могло импонировать единственной наслѣдницѣ великаго Петра.

Меньшиковъ держалъ Елизавету долгое время „подальше“ отъ царя, но Елизавета съумѣла, несмотря на эти мѣры, добиться доступа къ своему племяннику и племянницѣ Наталіи и съумѣла даже оказать вліяніе на нихъ. Вскорѣ послѣ этого уже стало открытымъ секре-

томъ двора, что двѣнадцатилѣтній Петръ о своей высоконареченной невѣстѣ и знать ничего не желалъ, тогда какъ онъ питалъ особенно нѣжныя чувства къ своей дорогой тетушкѣ Елизаветѣ Петровнѣ, — такъ сообщаетъ намъ исторіографъ Германнъ.

Меньшикова этотъ переворотъ крайне озадачилъ и когда онъ явился къ своему зятьку съ упреками по этому поводу, послѣдній заявилъ ему, что онъ-де не позволитъ себя водить за носъ и угощать оплеухами, какъ было съ его покойнымъ отцемъ.

Елизавета знала отлично, съ какого конца нужно было начать и не постыдилась даже того, чтобы растлѣть на себѣ коронованнаго мальчишку, хорошо зная, что ставъ съ нимъ на такую почву, она имѣла его въ своихъ рукахъ. Но и этого ей казалось недостаточнымъ, — она боялась войска и поэтому нужно было заручиться и съ этой стороны если не симпатіей, то по крайней мѣрѣ — чувствомъ страха. Она втянула въ свой кружокъ всевозможныхъ офицеровъ, разумѣется, занимались при этомъ и любовью, розыскала своего прежняго возлюбленнаго гвардейца Шубина и началась агитація противъ Меньшикова. По настоянію Елизаветы 18го сентября 1727 г. Петромъ былъ подписанъ указъ по войскамъ гвардіи, чтобы отъ Меньшикова никакихъ приказаній не принимали и въ тотъ же день всемогущій генералиссимусъ былъ арестованъ маіорами Юсуповымъ и Салтыковымъ.

Итакъ Меньшиковъ палъ. При объявленіи ему царскаго приказанія съ нимъ сдѣлался обморокъ. О такомъ концѣ онъ никогда не думалъ, такой печальной развязки этотъ злодѣй не подозрѣвалъ. И кто нанесъ ему такой губительный ударъ? Двѣнадцатилѣтній юноша, котораго еще такъ недавно держалъ онъ въ своихъ рукахъ и съ которымъ онъ обращался, какъ съ комкомъ воска!

Гвардія постояла за царя-батюшку.

Родня Меньшикова, недавно еще пользовавшаяся такимъ почетомъ и вліяніемъ, стояла теперь на колѣняхъ передъ Петромъ, его сестрой и теткой, — но напрасно лили они слезы, напрасны были ихъ горячія мольбы и увѣренія, — Меньшикова пѣсенка была спѣта, его царствованію и властвованію былъ конецъ, безповоротный конецъ....

Меньшикову было приказано покинуть столицу, въ которой онъ вчера еще былъ полноправнымъ господиномъ. Въ отчаяніи онъ разыгралъ послѣднюю комедію, разсчитывая вызвать тѣмъ сочувствіе въ толпѣ. Онъ одѣлся въ мужицкій тулупъ и изо всего безсчетнаго количества русскихъ и иностранныхъ орденовъ и знаковъ отличія выбралъ одинъ только портретъ въ бриллiантахъ Петра Великаго, воткнувъ его въ петлю своего сѣраго тулупа. Этимъ думалъ онъ оказать протестъ противъ своихъ притѣснителей, думалъ, что народъ подастъ за своего бывшаго министра голосъ, потребуетъ отъ царя отчетъ за предпринятыя мѣры, — но онъ ошибся. Народъ былъ теменъ и дикъ, но онъ и въ необразованности своей съумѣлъ распознать своего губителя, виновника всѣхъ бѣдъ. Зрителей было много, но друзей — увы! ихъ была лишь горсточка.

Ему было приказано ѣхать въ свое имѣніе, но дорогой, Меньшикова догналъ гонецъ изъ Петербурга съ высочайшимъ измѣненіемъ этого приказанія: онъ ссылался въ Сибирь, на поселеніе въ городѣ Березовѣ. За эти дни были открыты всевозможныя преступленія, совершенныя эксъ-министромъ: невѣроятные грабежи и обманы, разнаго рода укрывательства, поддѣлка важныхъ документовъ. Бриллiанты изъ императорскихъ регалій были имъ замѣнены фальшивыми, серебряныя и золотыя монеты были уменьшены въ вѣсѣ и разумѣется разница шла не въ пользу казны, а въ бездонный карманъ Меньшикова. Были найдены важныя бумаги, носившія фальшивую подпись Екатерины и Петра. Оказалось, что

прежній сопливый мальчишка, не имѣвшій алтына за душой, отданный къ пирожнику въ обученіе, владѣлъ нынѣ капиталомъ въ 23 милліона рублей, что въ ту пору составляло уже громадное состояніе, да кромѣ того имѣлъ несчетное количество имѣній съ сотнями тысячъ крѣпостныхъ. Откуда взялось все это —, разумѣется зналъ всякій: все это было наворовано, самымъ наглымъ образомъ похищено изъ казенныхъ суммъ. Но всего болѣе скомпрометировала его найденная о ту-же пору тайная переписка съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. У этого, всему міру извѣстнаго скряги и ростовщика, сбирался онъ занять 10 милліоновъ талеровъ для веденія заговора съ цѣлью сверженія династіи Романовыхъ, чтобы послѣ успѣшнаго окончаніе этой дворцовой революціи — а успѣхъ улыбался ему въ грядущемъ — возстановить „на страхъ врагамъ“ династію болѣе Романовыхъ достойную вести бразды правленіе святой Руси, — династію московскихъ пирожниковъ! Разсчетливый Плюшкинъ alias прусскій король отнюдь былъ не прочь оказать любезность просителю, бенефисъ вѣдъ быль навѣрный, да къ тому же довольно солидный: сто процентовъ годовыхъ гарантировалъ ему нашъ вчерашній богъ, сегодня лежавшій въ грязи!

Эхъ, если-бъ ни эта Елизавета Петровна, все пошло бы какъ по маслу: Меньшиковъ былъ бы бѣлымъ царемъ, прусскій король сталъ-бы на столько-то милліоновъ богаче! Правда: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Всему былъ конецъ и отъ вчерашняго величія остались однѣ руины. Нашего Герцога Ингерманландскаго заковали по рукамъ и ногамъ въ цѣпи и новезли въ Сибирь, — туда, туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ. Богатства его конфисковали и раздѣлили между людьми, служившими и сердцемъ и душой „новому курсу“.

Два года мытарствовалъ русскій Бисмаркъ въ Сибири и умеръ въ 1729 г., въ Ноябрѣ, отъ удара. Въ эти два года проявилъ онъ удивительную набожность. Изъ грошей, полагавшихся ему на паекъ и пр. скопилъ онъ деньгу на сооруженіе храма, причемъ принималъ даже и физическое участіе въ построеніи его. Говорятъ, что этотъ, незнакомый Меньшикову дотолѣ трудъ настолько выгодно повліялъ на его здоровье, что нашъ бѣдокуръ тѣлесно ожилъ, даже пополнѣлъ и вполнѣ сжился съ сибирскимъ климатомъ.

VI.

Итакъ царь Петръ IIой избавился отъ своего непрошеннаго попечителя. А что представлялъ собою этотъ субъектъ, можемъ мы узнать изъ доклада саксонкаго посланника Лефорта своему королю. Онъ говоритъ: „этотъ двѣнадцатилѣтній мальчуганъ носитъ въ себѣ рѣшительно всѣ дурныя качества своего дѣда“. И то, что такой царёкъ рано или поздно долженъ былъ попасть въ сѣти хищныхъ и властолюбивыхъ друзей-пріятелей, было съ самаго начала очевидно и ждать этого долго не приходилось: вскорѣ показались на горизонтѣ три звѣздочки, сначала еле-еле мелькавшія, затѣмъ принявшія все большіе и большіе размѣрѣ и оказавшіяся на конецъ тремя политическими партіями изъ древняго дворянскаго рода. Вскорѣ опутали эти рыцари своими сѣтями молодаго самодержца и его дѣла-дѣлишки покатились по наклонной плоскости, т. е. туда, гдѣ находились отечественные доброжелатели — Долгорукіе, Голицыны и Головкины, Апраксины, — все столбовые дворяне pur sang, патріоты par excellence, — и знаменитый генералъ Остерманъ, игравшій такую видную роль въ удаленіи Меньшикова, находился теперь на сторонѣ этихъ, говоря языкомъ Щедрина, „патріотовъ своего отечества“.

Да, это были все самые породистые, чистокровные аристократы, но ни одной даже маломальски человѣчески-мыслящей башки, ни одного человѣчески-бьющагося сердца не могли вы розыскать среди этихъ благородныхъ и высокородныхъ прохвостовъ, причесанныхъ и прилизанныхъ снаружи и азіатовъ въ душѣ, жившихъ однѣми интригами самаго низкаго калибра.

Не особенно лестныя для насъ Русскихъ страницы записалъ въ отечественную исторію выше названный саксонскій посланникъ, описывая своему августѣйшему довѣрителю представителей новаго режима, — послушаемъ, что этотъ добросовѣстный нѣмецъ, повѣствуетъ о нашей честной компаніи: „Мы живемъ здѣсь среди лѣни, неимѣющей ничего себѣ подобнаго. Индифферентизмъ и наивная безшабашность скорѣе смѣшны, чѣмъ трагичны и, право, приходится только удивляться тому, какъ вся эта государственная машина, къ которой въ сущности никто толково руки не прикладываетъ можетъ существовать и даже двигаться. Монархъ отлично знаетъ, что въ силу его могущества никто не дерзаетъ ему противорѣчить и блюдолизы, полные самыхъ добрыхъ намѣреній, уже съ первыхъ дней „новаго курса“ постарались на счетъ того, чтобы молодому царю въ самыхъ яркихъ краскахъ описать сущность самодержавія, его величіе и могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ указать ему на ничножность вѣрноподданныхъ, осужденныхъ-де небомъ на полное повиновеніе царской волѣ. И поэтому, говоритъ Лефортъ, новаго рѣшительно ничего нельзя провести, о чемъ либо разумномъ и помину быть не можетъ и все движется — впередъ-ли или назадъ — трудно сказать, будучи предоставлено само себѣ, волѣ судебъ.“ Далѣе пишетъ Лефортъ: „если кто пожелалъ-бы вникнуть въ отправленія нашей государственной машины, онъ пришелъ бы неминуемо къ тому заключенію, что общее положеніе съ каждымъ новымъ днемъ становится все болѣе запутаннымъ и съ каждымъ новымъ днемъ труднѣе

его уловить. Правда — продолжаетъ нашъ корреспондентъ — невольно напрашивается при этомъ сравненіе всего этого съ гуляющимъ по морю, по волѣ волнъ, судномъ, котораго рулевой и прислуга пьяны и спятъ безъ заднихъ ногъ". — Погоня за наживой и стараніе урвать возможно лучшій кусокъ были нашимъ уважаемымъ проотцамъ извѣстны не хуже нашего. Нужно отмѣтить тотъ фактъ, что очень многіе ждали развязки внутреннеполитическаго кризиса съ радостью, ожидая отъ новаго правителя тѣхъ или другихъ привилегій. Многіе прямо таки желали переворота и, разумѣется, проявляли и ревностное участіе въ приведеніи этого замысла въ исполненіе.

Замѣчательно правдиво и добросовѣстно описываетъ Лефортъ молодаго императора. „Я не знаю того, передаетъ Лефортъ, кто только внушаетъ ему (Петру) напр. мнѣніе, что правителю не нужно ни воспитаніе, ни обученіе, — что ему не́чего оказывать почести подчиненнымъ. И юноша, воспитанный въ этомъ направленіи, уже на тринадцатомъ году позволялъ себѣ вольности, на которыя рѣдкій взрослый способенъ. Внимателенъ былъ Петръ только лишь къ тому, кто толковалъ съ нимъ о собакахъ, о лошадяхъ, объ охотѣ и мальчишескихъ продѣлкахъ, за которыхъ драть прямо-таки мало."

Но изо всѣхъ партій, сновавшихъ вокругъ его величества и лебезившихъ передъ нимъ, съумѣли лишь Долгорукіе заручиться его особенной симпатіей и снискать его любовь и это, разумѣется только благодаря тому, что всѣхъ лучше съумѣли ему льстить и потворствовать его безпутству.

Князь Алексѣй Долгорукій исходатайствовалъ себѣ право считаться воспитателемъ царя и велъ это серьёзное дѣло вмѣстѣ съ генераломъ Остерманомъ, давъ царю своего 17 лѣтняго сына, Ивана, въ компаніоны. Но не въ воспитаніи было дѣло-то. Люди à la Меньшиковъ или Долгорукій такому дѣлу не отдались бы

такъ всецѣло, еслибъ имъ не улыбалась за эти труды золотая нажива, да еслибъ они не были увѣрены въ томъ, что Петръ, рано или поздно, попадетъ къ нимъ въ руки. Меньшиковъ думалъ породниться съ царемъ, и о томъ же самомъ подумывалъ и Алексѣй Долгорукій.

О ту пору Петръ благоговѣлъ предъ своей „красивой“ тетушкой и поэтому Долгорукому пришлось принять мѣры, чтобы эта любовь возможно скоро испарилась, но какимъ образомъ это устроить, — объ этомъ Долгорукій не особенно-то задумывался. Онъ имѣлъ способнаго сына и этотъ способный на всякаго рода гадости мальчуганъ имѣлъ по внушенію батюшки разочаровать Петра въ его любви. Лефортъ выражается на этотъ счетъ вотъ какъ, — онъ говоритъ: „молодой Долгорукій указалъ Петру на слѣды лучшей дичи“ —, и, разумѣется, прежняя любовь пала.

Елизавета тутъ только поняла, что всѣ ея старанія убитыя на сверженіе Меньшикова канули въ рѣку и что плоды этихъ стараній загребались горшнями не ею, а другими. Горько приходилось ей и если она, подъ впечатлѣніемъ минуты, обращалась къ царю съ жалобой на то, что дворяне ей строятъ козни и не „по чину“ съ нею обращаются, то Долгорукіе вмѣшивались въ это дѣло и указывали царю на то, что даже присутствіе Елизаветы при дворѣ неприлично, что молъ о ней такая-то молва по городу ходитъ и что иностранныя высокопоставленныя лица считаютъ себя оскорбленными сталкиваясь съ Елизаветой въ обществѣ.

Всѣ лучшія мѣста при дворѣ были заняты Долгорукими и даже „постъ“ царицы былъ отведенъ одной изъ дамъ этой знатной у насъ на Руси семьи. Алексѣй Долгорукій имѣлъ двухъ дочерей и ужъ слишкомъ пылко желалъ всучить Петру младшую дочь, особенно некрасивую изъ себя. Старшая изъ нихъ до того была развращена и до того безпутствовала, что „даже“ Долгорукій постыдился, чтобы предложить ее своему

августѣйшему монарху въ жены. О ту пору эта „высоконравственная“ дѣва находилась въ любовной связи съ гвардейцемъ Миктеревымъ и эта исторія разыгралась подъ конецъ крайне трагично для несчастной дѣвицы.

Для сближеніе тогда всего лишь 14ти лѣтняго царя съ дочерьми своими, Долгорукій рѣшилъ предпринять поѣздку съ нимъ въ первопрестольную матушку-Москву. Нужно было пустить пыли въ глаза, нужно было все обставить такъ, чтобы комаръ носа подточить не могъ: дѣлалось все шито и скрыто. А въ Москвѣ въ то время засѣдала вся дворянская знать, всѣ, кто считалъ себя обиженными и оскорбленными режимомъ Петра Великаго. Эта партія, обладавшая громадными силами, вела агитацію противъ петербургскаго бюрократизма и всѣ старанія прилагала къ тому, чтобы перетащить и дворъ въ Москву. И правда, эти старанія до извѣстной степени увѣнчались успѣхомъ и когда эта партія, назовемъ ее старой руссофильской партіей, — почувствовала въ себѣ силы, она давай дѣлать указы Петербургу и дошла въ своемъ крестовомъ походѣ противъ всего петербургскаго до того, что подъ страхомъ наказанія плетью воспрещала даже думать, не только говорить, о возвращеніи правительственной центральной власти на берега Невы. — Петру эта дворянская забава нравилась и онъ до того увлекся златоглавой Москвой, что порѣшилъ съ тѣхъ поръ считать Москву единственной россійской столицей и своей резиденціей.

Охота была также одной изъ чувствительныхъ сторонъ молодаго царя и, зная это, Долгорукіе потащили его въ свои имѣнія, забавляя его на разные лады. А чтобы показать, насколько Петръ занимался этимъ спортомъ, упомянемъ только, что его псарня состояла изъ 200 охотничьихъ и 420 гончихъ собакъ. Около 4000 зайцевъ уложилъ Петра втеченіе одной осени и кромѣ того массу лисицъ, волковъ и медвѣдей.

Но Долгорукаго интересовала въ этомъ случаѣ не столько охота на звѣрей, сколько охота Петра на своихъ „милыхъ“ дочерей и вдругъ! — дѣйствительно клюнуло. Петръ влюбился, но на горе заботливому отцу, влюбился не въ младшую, по рецепту Долгорукаго, а въ старшую дочь его Екатерину. 30го ноября была назначена попойка: Петръ оффиціально объявилъ себя женихомъ. Да, нелегко приходилось бѣднягѣ Петру въ то время. Старикъ Долгорукій во что бы то ни стало хотѣлъ какъ можно скорѣе повѣнчать счастливую парочку, но много важныхъ голосовъ вотировали противъ этого брака и ихъ пришлось выслушать. Долгорукій до того политично обставилъ свои предпріятія, что съумѣлъ присвоить себѣ какъ и его предшественникъ командованіе войсками и, пользуясь такими привилегіями, отдалъ по гвардіи приказаніе, всегда быть на готовѣ и по первому сигналу спѣшить на поле сраженія, становясь, разумѣется, на сторону Долгорукихъ.

Елизавета была нынѣ въ опалѣ и нужно было держать ее настолько въ ежовыхъ рукавицахъ, чтобы она не могла тоже подать своего голоса. Ее хотѣли обуздать и старались поэтому свести съ Иваномъ Долгорукимъ, съ цѣлію обрученія. Царя-же забавляли разными шутками да прибаутками, чтобы де онъ только не измѣнилъ своего хорошаго расположеніе духа, но организмъ его благодаря разврату почти съ дѣтскаго возраста уже былъ настолько разстроенъ и Петръ до того сталъ томенъ, апатиченъ и грустенъ, что хорошее расположеніе духа могло быть вызвано только лишь виномъ. Онъ сталъ тяготиться жизнью, сталъ задумываться о самоубійствѣ, это навело на всѣхъ его окружавшихъ боязнь за него. Петръ окончательно углубился въ монашеское одиночество и единственнымъ его теперешнимъ развлеченіемъ была игра съ куклами.

Его единственная сестра Наталія умерла отъ чахотки,

и низость Долгорукихъ дошла даже до того, что они запретили Петру проститься съ остывшимъ трупомъ близкаго человѣка.

Но не долго пришлось несчастному Петру, доброму душою, но исковерканному уродливыми условіями его круга, оплакивать потерю сестры. 19го января 1730 г. онъ слегъ, температура повышалась и у него обнаружилась оспа. Тщеславный подлецъ Долгорукій, замѣтивъ угрожавшую опасность — надежды на выздоровленіе не было никакой — не постыдился даже тащить свою дочь Екатерину къ смертному одру Петра, чтобы заключить между ними законный бракъ. Къ счастью въ это дѣло вмѣшался генералъ Остерманъ и предупредилъ безсовѣстное намѣреніе самолюбиваго князя. 30го января Петра не стало, а три мѣсяца спустя Екатерина Долгорукая — nomen et omen! — родила дочь, несомнѣннымъ отцомъ которой саксонскій посланникъ Лефортъ считаетъ вышеназваннаго гвардейца Миктерева. Само собою, не умри Петръ до брака, это дитя считалось бы его ребенкомъ и кто знаетъ, быть можетъ, добилось бы со временемъ и императорской короны, какъ напр. дочь повара Елизавета и т. д. — Наглость въ такихъ случаяхъ незнаетъ границъ, а холопамъ безразлично кого слушаться: лишь бы имъ жилось хорошо.

VII.

Опять наступило для Россіи смутное время. Опять она оказалась безъ главы, безъ правителя. Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось крѣпостничество и не откуда было ждать освобожденія изъ этихъ позорныхъ цѣпей. Русь изнывала подъ тяжестью этого бремени и никого не было, кто бы осмѣлился подать свой голосъ противъ этой татарщины. Свободные поселяне, существовавшіе въ такомъ солидномъ количествѣ еще во времена Іоанна

Грознаго, о ту пору окончательно исчезли. Такъ называемыя и всему міру за квинтъ-эссенцъ прогресса рекомендованныя реформы Великаго Петра и положенія о крѣпостныхъ нитолько не улучшили, но въ очень многомъ даже ухудшили и вмѣсто того, чтобы этотъ европеецъ разбилъ цѣпи рабства своего народа, Петръ затянулъ петлю туже, и жить несчастному нашему поселянину положительно стало невыносимо. За все то, что Петръ отнялъ у дворянъ и князей какъ титулы и пр. съ цѣлью величественнѣе казаться своему народу, онъ далъ имъ привиллегіи, благодаря которымъ русскій крестьянинъ и душой и тѣломъ попалъ въ самое гнустное и унизительное рабство, отъ котораго онъ и по сію пору еще не выбился окончательно.

Безмолвно и терпѣливо вынесъ народъ и эту пытку и если тутъ или тамъ проявлялся протестъ, подавалъ кто свой голосъ противъ этихъ нечеловѣческихъ условій, то помощью острыхъ штыковъ недовольство парализовалось, а возстанцевъ послѣ пытки по послѣднимъ журналамъ европейской культуры, или вѣшали или на мѣстѣ убивали, какъ псовъ и хуже даже этого. Права крестьянинъ нигдѣ и ни въ чемъ не имѣлъ и, нужно сознаться, такихъ наивныхъ было не много, которые въ судахъ искали для себя оправданія или защиты.

Итакъ Петра II-го не стало и то, что произошло послѣ его смерти, крайне типично для полнаго пониманія русскаго абсолютизма. „Право наслѣдія“, или какъ это назвалъ Петръ Великій „достоинство наслѣдія“ были понятія, о которыхъ хищные наслѣдники мало заботились. Каждый въ этомъ выборѣ или назначеніи заинтересованный смотрѣлъ въ ту сторону, откуда вѣялъ выгодный для него вѣтеръ. О благѣ края или способностяхъ правителя ни одинъ лѣшій не заботился. Своя рубаха къ тѣлу ближе. На нашъ вѣкъ, молъ, хватитъ, а заботиться о процвѣтаніи родины или бояться того, что-де этотъ престолопреемникъ опасенъ съ этой или другой стороны,

— обо всемъ этомъ хищники мало задумывались. Après nous le déluge, твердили они, радуясь выгодной позиціи.

Не больше и не меньше какъ шесть различныхъ партій собрались вокругъ ломбернаго стола, на которомъ розыгрывались лотерея аллегри, на которомъ лежала русская царская корона какъ первый призъ, какъ выигрышъ.

Одни требовали возведенія на прародительскій престолъ Евдокіи, жены Петра Великаго, но эта несчастная, изъ ума выжившая старушка, отказалась отъ мірскихъ суетъ. Она до того уже успѣла сжиться съ монахами и монашенками, что ничего другаго не желала. Изъ прочихъ наслѣдниковъ Петра являлись претендентами на престолъ его дочь Елизавета и $1^1/_2$ годовой Петръ Гольштинскій. Послѣдняго сразу объявила старо-дворянская партія за иностранца и такимъ образомъ вычеркнула изъ списка.

Послѣдній же наслѣдникъ, Елизавета Петровна, незадолго до этого происшествія проштрафилась тѣмъ, что, затѣвая заговоръ съ любовникомъ Алексѣемъ Нарышкинымъ противъ Петра II[го], по неосторожности попалась въ руки Долгорукаго. Значитъ и ее нельзя было поставить во главѣ россійской имперіи.

Итакъ вниманіе было нынѣ обращено на трехъ дочерей брата Петра Великаго, полоумнаго прежняго регента царя Ивана Алексѣевича. Изъ послѣднихъ Екатерина была замужемъ за Леопольдомъ Мекленбургскимъ, вторая дочь, Анна, была еще Петромъ назначена изъ политическихъ соображеній въ жены Фридриха Вильгельма, послѣдняго герцога Курляндскаго. Мужъ ея вскорѣ послѣ заключенія брака умеръ и Анна стала регентшей Курляндіи. Третья дочь Ивана была характеромъ въ отца, не любила церемоній и придворнаго шума, жила въ одиночествѣ и тайной связи съ генераломъ Мамоновымъ.

Всѣ эти личности брались при выборѣ царя въ разсчетъ, и каждая изъ нихъ имѣла за собою значительное

число приверженцевъ, агитировавшихъ въ свою очередь въ пользу своего протеже. Долгорукіе рекомендовали, какъ отличную правительницу, мудрую и справедливую Екатерину, невѣсту умершаго Петра и нынѣшнюю любовницу Миктерева, но среди этой партіи нашлась и опозиціонная сторона, которая особенныхъ благодѣяній отъ овдовѣвшей невѣсты не ожидала и поэтому и противъ ея выбора протестовала. Нѣкоторые изъ государственныхъ мужей пытались было предложить отказаться отъ всѣхъ династическихъ соображеній и ввести въ Россіи, вмѣсто царившаго деспотизма, новый правительственный режимъ, на подобіе шведскаго, но и противъ этой смѣлой выходки нашлись возражатели въ лицѣ Голицына и Остермана и этотъ проэктъ отправился въ архивъ на съѣденіе мышамъ.

Борьба партій была о ту пору крайне интересная, — каждый вербовалъ избирателей на свою сторону, но всего успѣшнѣе работали въ ту страдную пору только что приведенныя лица, Голицынъ и Остерманъ: они съумѣли соединить на курляндкѣ Аннѣ Іоанновнѣ всего больше голосовъ, въ числѣ коихъ главный контингентъ составляли голоса бояръ.

Послѣдніе разсчитывали на то, что, избравъ разъ Анну въ правительницы, они заставятъ эту сластолюбивую, безхарактерную женщину плясать подъ свою дудочку. Придумали даже отправить къ царицѣ in spe въ Курляндію нѣчто вродѣ конституціоннаго положенія, благодаря которому дворянамъ и въ будни были бы праздники и, разумѣется, Анна ни на минуту не задумалась насчетъ подписи этого государственнаго акта. Но за то, съ такой же легкостью и нарушила она данную клятву. Въ первый же пріѣздъ въ Москву объявила Анна себя самодержицей и первымъ своимъ рескриптомъ назначила она себя начальникомъ гвардіи, угощала въ день этого важнаго событія гвардейцевъ водкой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже собственноручно —

и благородный напитокъ оказалъ и благородное дѣйствіе. Гвардейцы были на ея сторонѣ и за матушку-царицу готовы были и въ огонь и въ воду.

За гвардейцами послѣдовало и все чиновничество, рекрутировавшееся преимущественно изъ малоземельныхъ дворянъ да продажныхъ иностранцевъ, прогрессировавшихъ во время Петровскаго бюрократизма, но за то и павшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Что же касается духовенства, то оно хотя не сразу рѣшилось, къ которому берегу причалить, но сразу однако сознало, что со столбовымъ, денежнымъ дворянствомъ витавшимъ въ высшихъ сферахъ, пива не сваришь и поэтому нужно было немедленно созвать совѣтъ для отысканія образа дѣйствія, соотвѣтствовавшаго данному моменту. Сказано — сдѣлано, и святѣйшій синодъ воедино порѣшилъ выразить свои симпатіи всемогучей, славнѣйшей государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всея Россіи.

И такимъ-то образомъ была рѣшена судьба православнаго народа. Вмѣсто волковъ-дворянъ, терзали его тѣло тигры петровскаго абсолютизма. Вчерашніе боги были свержены: законодатели и государственные сановники, вчера еще считавшіеся за мудрыхъ и непоколебаемо сильныхъ, — были сегодня ничто, или сидѣли за тюремной рѣшеткой, какъ злостные преступники.

Долгорукіе и ихъ поклонники, съ ними и царская невѣста Екатерина съ груднымъ дитятей, были закованы и отправлены на поселеніе въ Сибирь. Другая часть сегодняшней опозиціи была заключена въ монастыри или сослана въ помѣстія и т. д. — Тѣ-же, которые оказывали содѣйствіе Аннѣ въ ея преступномъ нарушеніи обѣщанія и во всѣхъ ея политическихъ затѣяхъ, были награждены по-царски: кто орденомъ, кто чиномъ, кому была выписана пожизненная пенсія, кому имѣніе въ 500 или 1000 душъ и т. д. Царская милость и щедрость не знала въ этомъ случаѣ границъ и въ особенности

были ею отмѣчены генералы Остерманъ и Мюнихъ, и эти въ сообществѣ съ возлюбленнымъ царицы камеръ-юнкеромъ Эрнстомъ-Іоганомъ Бюреномъ стояли цѣлые десять лѣтъ во главѣ правленія и въ сущности и ворочали всѣмъ административнымъ механизмомъ.

И изъ этой удалой тройки, кореннымъ былъ несомнѣнно Остерманъ, сынъ лютеранскаго пастора изъ Вестфаліи, хитрый малый, пришедшій въ Россію, какъ много ему равныхъ санкюлотовъ, искать у насъ счастія и онъ его дѣйствительно нашелъ: еще въ царствованіе Петра Великаго съумѣлъ онъ добиться вниманія и почета со стороны государя. Это былъ тертый калачъ, какъ у насъ говорится, и онъ съумѣлъ принаровиться къ требованіямъ эпохи и какъ воскъ былъ способенъ принимать какія угодно формы. Петръ сразу раскусилъ, что это за парень, и Остерманъ былъ важнымъ орудіемъ въ рукахъ деспотическаго абсолютизма.

Ни одна дворцовая интрига не обошлась безъ участія Остермана: онъ не боялся реакціи и однимъ изъ его излюбленнѣйшихъ средствъ для отвода глазъ, „на всякій случай", было — держаться какъ можно дальше отъ мѣста катастрофы, и если виднѣлась опасность, такъ онъ по-добру, по-здорову забирался домой, натиралъ лицо лимономъ и, желтый, какъ тяжко больной, ложился въ кровать, охая и вздыхая, если являлся къ нему кто-либо по начальству. Отсюда изъ спальни, „свинятника", какъ ее прозывали современники, управлялъ Остерманъ цѣлыми заговорами и если подчиненные его, нерѣдко имъ же самимъ завлеченные въ заговоръ, были накрыты и запрятаны въ петропавловскую крѣпость, Остерманъ оставался цѣлъ и невредимъ и продолжалъ по прежнему свои козни.

Анна Ивановна возвела Остермана въ графское достоинство и какъ было иначе поступить на ея мѣстѣ: этотъ государственный мужъ задался задачей, привести въ исполненіе недоконченную работу Петра Великаго,

возстановить и упрочить россійскій государственный строй по плану великаго преобразователя и, дѣйствительно, Остерманъ на этомъ поприщѣ достигъ своего апогея, и русскій народъ, очнувшись разъ изъ своего долговѣчнаго сна, съумѣетъ оцѣнить заслуги своихъ добродѣтелей à la Меньшиковъ, Остерманъ и мн. др. и разъ навсегда выставитъ имена этихъ „патріотовъ своего отечества“ на позорныхъ столбахъ въ назиданіе потомству.

Поднакомившись съ его сіятельствомъ графомъ Остерманомъ, было-бы крайне несправедливо, еслибъ мы обошли молчаніемъ сподвижника и сообщника его, графа Мюниха.

То, что Остерманомъ было сдѣлано для упроченія русскаго хищнаго бюрократизма, отъ котораго мы и по сегодня еще не смогли отрѣшиться, съ тою-же энергіей и съ тѣмъ-же успѣхомъ отдался графъ Мюнихъ для служенія войску, на которое абсолютизмъ опирался съ тою же увѣренностью, какъ и на взяточную чиновническую іерархію.

Графъ Мюнихъ былъ авантюристъ изъ военнаго лагеря: онъ служилъ — и всегда съ надлежащимъ достоинствомъ! — во Франціи, Гессенѣ, Саксоніи и Польшѣ и для него лозунгомъ было: гдѣ хорошо платятъ — тамъ родина моя.“ Платили во Франціи хорошія деньги, — Мюнихъ быль добрымъ патріотомъ Франціи, платили хорошія деньги въ Германіи, — онъ былъ добрымъ Нѣмцемъ, и случилось-же, что Петръ Великій гдѣ-то и когда-то сошелся съ этимъ добрымъ молодцемъ. Были, вѣроятно, оба пьяны, сошлись въ цѣнѣ, сдружились и сталъ вдругъ Мюнихъ русскимъ генераломъ, а при воцареніи Анны Ивановны — и генералъ-фельдмаршаломъ. Добившись этого высокаго чина, кровожадный и хищный генералъ-фельдмаршалъ „заразился“ маніей величія и задумалъ играть при дворѣ Анны такую-же роль, какъ покойный Меньшиковъ при Екатеринѣ Iой. Но — человѣкъ

предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Этому не должно было быть: противники Мюниха пронюхали чего онъ искалъ и къ чему стремился и предупредили царицу. Релегировать такую важную особу какъ графа Мюниха было рисковано и поэтому нужно было вѣжливымъ образомъ, по-товарищески, отъ этого опаснаго сеньора отдѣлаться; къ тому-же въ ту пору и имя Россіи покрылось было пылью забвенья, нужно было напомнить міру о существованіи Матушки-Расеюшки, и ея величество объявила походъ противъ басурмановъ турокъ, поручивъ графу Мюниху командованіе дѣйствующей арміей.

Третій изъ этого яркаго созвѣздія, камеръ-юнкеръ Эрнстъ-Іоганъ Бюренъ игралъ въ политической сферѣ менѣе важную роль и, кажется, ни одинъ изо всѣхъ чиновныхъ и государственныхъ мужей не трясся изъ боязни передъ Мюнихомъ столько, какъ этотъ несчастный Нѣмецъ.

Сынъ курляндскаго лѣсничаго и внукъ герцогскаго конюха, попалъ онъ въ 1720 г. случайно ко двору вдовдствовавшей герцогини Анны Ивановны, резидировавшей въ то время въ Митавѣ, обратилъ на себя вниманіе герцогини и былъ поэтому пожалованъ въ чинъ каммеръ-юнкера. А такъ какъ каммеръ-юнкерство съ его происхожденіемъ не особенно-то гармонировало, то хитрый царедворецъ придумалъ измѣнить свое имя. Самовольно назвалъ онъ себя Бирономъ, раскопалъ въ какомъ-то архивѣ родословную французскихъ герцоговъ Биронъ, потомки коихъ не мало были удивлены, услышавъ объ этой дерзости, велѣлъ себя титулировать, какъ то герцогу полагается, посадилъ всюду герцогскіе вензеля, короны и пр. и пр. — и зажилъ себѣ припѣваючи.

По восшествіи Анны на всероссійскій престолъ, императоръ Карлъ VIй, изъ особаго расположнія къ царицѣ, предложилъ ея фавориту званіе потомственнаго германскаго рейхсграфа, отъ чего нашъ внукъ дѣдушки, убиравшаго конюшню, ни на мигъ не подумалъ отказаться.

На первое время Анна Ивановна имѣла намѣреніе скрыть сношенія съ своимъ каммеръ-юнкеромъ и для отвода глазъ думала его женить на гоффрейленѣ фонъ Трота, но „отложила пустое попеченіе“.

Результатомъ этой любви были — бѣлокурые мальчуганы Петръ и Карлъ, которые были занесены въ фамильной списокъ семьи Бюренъ.

Хорошо жилось Бирону на сторонѣ коронованной любовницы, но тупоуміе и безграничное честолюбіе не давало ему покоя и онъ задумывался все о бо́льшемъ и еще того лучшемъ.

Мюнноха удалось ему удалить, бразды правленіе были положительно въ его рукахъ, все плясало какъ маріонетки предъ нимъ и подъ его дудочку, онъ управлялъ страной самымъ жестокимъ и пагубнымъ для ея развитія образомъ, заботясь главнымъ дѣломъ о своемъ большомъ карманѣ. Анна была куклой въ его грубыхъ рукахъ и историкъ Гельбигъ говоритъ между прочимъ о немъ: „онъ былъ при всей своей ограниченности до комизма властолюбивъ, грубъ, корыстолюбивъ, тщеславенъ, безпощаденъ и грозенъ. Въ денежныхъ дѣлахъ имѣлъ онъ придворнаго ростовщика жида Липмана, съ которымъ Биронъ дѣлилъ наворованное добро, незаконные проценты, всевозможные биржевые бенефисы, доходы съ обоюднаго вымогательства и пр. и пр.“

Деньги эти онъ копилъ и собравши кругленькую сумму, Биронъ купилъ громадныя имѣнія въ Богеміи и Силезіи и преимущественно мѣстечко Вартенбергъ (въ Силезіи), гдѣ родъ Бироновъ и по сегодня въ почетѣ и гдѣ и сегодня живутъ и здравствуютъ внуки и правнуки этого достойнаго мужа.

Наконецъ-то добился Биронъ желанной цѣли, наконецъ-то назначили его правителемъ его родной сторонки Курляндіи. И то-же самое курляндское дварянство, ни за что на свѣтѣ не рѣшавшееся пятнадцать лѣтъ тому назадъ занести внука конюха въ дворянскую запись,

нынѣ склоняло предъ нимъ голову и самымъ унизительнымъ образомъ, безъ капли стыда, просило его принять герцогскій курляндскій титулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — быть господиномъ страны, въ которой онъ впервые увидѣлъ свѣтъ Божій; а въ 1739 г. польскій король самымъ торжественнымъ образомъ назначилъ Бирона, какъ уже замѣчено выше, правителемъ Курляндіи.

И нашъ счастливецъ былъ всѣхъ этихъ земныхъ благъ право достоинъ: онъ съумѣлъ пробраться въ самый передъ политической жизни и добился какъ разъ той же роли при возлюбленной своей, Аннѣ, которую съ такимъ успѣхомъ долгое время разыгрывалъ Меньшиковъ при Екатеринѣ Iой.

Его расточительность была такъ же безгранична какъ и жадность и кромѣ всевозможныхъ доходовъ, плывшихъ въ его карманъ, добытыхъ различнымъ вымогательствомъ, Биронъ получалъ регулярно крупныя суммы и отъ другихъ державъ, какъ напр. Австріи, Пруссіи, Франціи, Польши и пр. и все это за важныя сообщенія, за любезное обѣщаніе въ данную минуту оказать надлежащую услугу, мигнувъ кому слѣдуетъ, откуда ему нужно было ожидать опасность и т. д., и т. д. — Подарками отъ нерусскихъ державныхъ властителей, выпавшими на долю безроднаго дворянина и случайнаго герцога, „хоть прудъ пруди". Шкафы ломились подъ тяжестью золота, серебра, бриллiантовъ и прочихъ драгоцѣнностей. Архитекторы, барышники, жиды-спекулянты то и дѣло сновали около замка могучаго герцога и, право, остается только удивляться той массѣ денегъ, какую этотъ проходимецъ и плутъ выдавалъ за все новыя и новыя постройки, виллы, дворцы и т. п., какія суммы платились имъ за рысаковъ, за собакъ наилучшихъ породъ, за всевозможныя вещички, выписывавшіяся герцогской конторой изъ Парижа. Къ тому же былъ Биронъ отъявленный картежникъ, и шулерство процвѣтало въ стѣнахъ его замка,

какъ нынѣ, можетъ быть только лишь, въ самыхъ записныхъ картежныхъ домахъ. Да, признаться, это шулерство было важнѣйшимъ моментомъ во всемъ образѣ Анниискаго режима; во всемъ былъ азартъ и все велось помощью фальши и подкуповъ.

Но при всемъ томъ нужно отмѣтить, что прошло ровно девять лѣтъ и за все это сравнительно долгое время при петербуржскомъ тревожномъ дворѣ не было ни одною заговора, чему нельза было ни удивляться. И поэтому не мудрено, что когда послѣ этой мирной „эпохи“ на сцену вновь выдвинулись заговорщики, то на нихъ глядѣли какъ на вчерашнихъ пріятелей.

Право, пора была нарушить это скучное время и вотъ явился русскій Лоэнгринъ въ лицѣ Долгорукаго. Опала, въ которой находилась эта семья, была снята и въ 1739 г. помилованные Долгорукіе, шедшіе нынѣ уже рука объ руку съ Елизаветой, ихъ прежней противницей, снова пробуютъ свое счастіе на поприщѣ дворцовой революціи.

Елизавета Петровна жила все это время совершенно тихо и смирно. И съ тѣхъ поръ, какъ любовника ея сержанта Шубина сослали въ суровую Сибирь, замѣститель же его Нарышкинъ бѣжалъ отъ преслѣдованій за границу, Елизавета, не выносившая одиночества, обратилась къ Густаву Бюрену, брату курляндскаго герцога, и скоро любвеобильное сердце старой дѣвы билось новой страстью къ этому избраннику. Отношенія ихъ съ каждымъ днемъ становились все интимнѣе и интимнѣе и окружавшее ихъ общество съ любопытствомъ ожидало конца, а конецъ въ такихъ случаяхъ былъ постоянно крестинами. Заговорщики имѣли цѣлью сверженіе съ трона Анны и ея креатуры курляндца и возведеніе на престолъ Елизаветы Петровны съ ея возлюбленнымъ Нарышкинымъ. Разумыется, властолюбивая княгиня не отказалась въ принятіи участія въ такомъ выгодномъ для нея походѣ и простерла отважнымъ конспираторамъ обѣ руки.

Недовольство, вызванное бироновщиной и его безконечными поборами охватило все общество: всѣ стали на Бирона смотрѣть, какъ на виновника народныхъ бѣдствій. Походъ Мюниха въ Турцію стоилъ громадныхъ денегъ, не принеся никакихъ выгодъ. Какъ дворянство, такъ и бездольные крестьяне ждали съ нетерпѣніемъ развязки придворной шашни, такъ дорого стоившей неповинному въ этой царской забавѣ отечеству.

Дворяне, отставленные милостію Остермана и Мюниха подальше отъ трона и правленія уже давнымъ давно были готовы въ принятіи участія въ замышленномъ заговорѣ, выговоривъ себѣ всевозможныя привиллегіи и главнымъ образомъ, право голоса въ правленіи, какъ то было прежде. Иванъ Долгорукій, фаворитъ Петра IIго, взялся за веденіе заговора и ему, какъ стоявшему во главѣ движенія, со всѣхъ сторонъ выражались чувства симпатіи и полнаго согласія и готовности къ дѣйствію, дожидаясь только приказаній. Но вотъ наконецъ и этотъ день подоспѣлъ. Все было на готовѣ и на мази, какъ говорится, — какъ вдругъ нагрянули бироновскіе агенты и всѣхъ инсургентовъ заковали въ цѣпи. Биронъ пронюхалъ угрожавшую ему опасность и, явился какъ снѣгъ на голову, разбилъ опозицію прежде еще, чѣмъ она успѣла приступить къ приведенію своихъ замысловъ въ исполненіе.

Во всѣхъ концахъ Руси великой возвышались позорные столбы, всюду производились самыя безчеловѣчныя пытки и виновныхъ, не лишенныхъ жизни, сотнями гнали по Владиміркѣ въ отдаленнѣйшія мѣста суровой, слезами и кровью омытой, Сибири.

Ивана Долгорукаго казнили колесомъ, тремъ другимъ Долгорукимъ отсѣкли головы, другихъ троихъ заключили пожизненно въ крѣпости. Елизавету тоже было чуть-чуть не сослали въ монастырь, въ смиренныя монахини и навѣрное въ концѣ концовъ неизбѣжала бы и она участи ея многихъ предшественниковъ, о которыхъ

всероссійскимъ подданнымъ коротко и ясно сообщалось, что молъ „ударомъ, скоропостижно скончалась". Но какъ отъ одного, такъ и другаго ее спасло то обстоятельство, что она какъ уже замѣчено находилась въ крайне интимномъ сношеніи съ братомъ всемощнаго Бирона. Итакъ этотъ планъ былъ уничтоженъ.

Но на тронъ Анны претендовали не только одни упомянутыя лица: кромѣ нихъ можно, было бы привести цѣлый списокъ Лепорелло мечтателей, но всѣ эти замыслы или были слишкомъ маловажны, или же были накрыты въ самомъ ихъ зародышѣ.

О ту пору былъ кабинетъ-министромъ графъ Волынскій и этотъ вѣрный слуга своего отечества тоже не могъ равнодушно смотрѣть на вольготную жизнь курляндца. Къ тому же этотъ авантюристъ мотивировалъ свои права на россійскій вседержавный престолъ узами родства съ домомъ Романовыхъ. И, право, при обозрѣніе всѣхъ этихъ экстравагантовъ приходишь къ предположенію, что въ ту пору придворные заговоры были прямо таки эпидемическимъ явленіемъ, что зародыши этой хитрой болѣзни сновали миріадами въ воздухѣ. Но характерно въ послѣднемъ случаѣ то, что всѣ предпріятія въ этомъ родѣ по сію пору имѣли быть приведенными къ исполненію при помощи гвардіи, только графъ Волынскій, обворовавшій русскій народъ на милліоны, изъ благодарности или и съ какого другаго чувства, имѣлъ дерзость втянуть въ свое дѣло народъ.

Планъ Волынскаго простирался крайне далеко и въ немъ заключалось даже намѣреніе министра, по достиженіи своей цѣли, жениться на „невинной" юной дѣвѣ Елизаветѣ Петровнѣ, дабы съ этой стороны не было бы никакихъ притязаній на престолъ. Но этотъ чудный сонъ долженъ былъ быть разсѣянъ, и злостнаго мечтателя, какъ и легковѣрныхъ его сообщниковъ, заковали въ цѣпи и запрятали въ знаменитомъ Алексѣевскомъ равелинѣ. По окончаніи суда, ведшагося съ надлежащей

строгостью, былъ объявленъ приговоръ виновнымъ и гласилъ онъ: главнымъ зачинщикамъ, въ томъ числѣ и Волынскому, отрѣзать языкъ, отрубить правую руку, отнять голову отъ туловища и обѣ послѣднія части выставить въ назиданіе вѣрно подданнымъ, такъ часто рѣшавшимся на скользкій путь заговора. Но сердце ея величества оказалось все-же гуманнѣе прокурорскаго, и преступники были высочайшей волей помилованы — къ смерти чрезъ отсѣченіе однихъ только бурныхъ головъ.

Итакъ былъ уложенъ и этотъ противо-государственный замыселъ.

Анна Іоанновна стала прихварывать и врачами было объявлено, что здоровье ея потрясено въ основахъ и что вѣрноподданныхъ ждетъ суровая участь, лишиться въ скоромъ времени дорогой, любвеобильной, „заботливой“ царицы-матушки. Незадолго предъ ея кончомъ произошелъ между нею и ея любовникомъ Бирономъ разладъ и главнымъ образомъ по той причинѣ, что завистливый Биронъ ужъ слишкомъ нагло прокладывалъ дорожку къ трону если не для себя, то поменьшей мѣрѣ для своего возлюбленнаго сынка Петра. Онъ не пренебрегалъ никакими средствами, лишь бы цѣль оправдала ихъ. Онъ думалъ женить своего сына на Аннѣ Карловнѣ, единственной жившей о ту пору племянницѣ царицы и дочери Екатерины и герцога Карла-Леопольда Мекленбургскаго. Но Анна Карловна, красивая молодая женщина, не выносила семьи Бирона и на отрѣзъ съ самаго начала объявила на настойчивыя предложенія стараго сластолюбца, что кромѣ ненависти къ нему и его фамиліи въ ея груди нѣтъ инаго чувства и ему же въ укоръ отвѣтила утвердительно на предложенія принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, шурина прусскаго короля Фридриха Великаго, и въ 1793 г. съ нимъ вступила въ бракъ. Послѣдній не отличался особенной строгостью, да къ тому же и

молодая супруга уже не въ первый разъ питала нѣжныя чувства къ мужчинѣ. Еще о ту пору, когда она такъ упорно держалась противъ только что упомянутыхъ предложенiй стараго Бирона, она находилась въ крайне интимномъ отношенiи къ красивому саксонскому посланнику, графу Линаръ, — но что бы тамъ ни было, изъ ея брака съ Брауншвейгцемъ родился съ 1740 году сынъ Иванъ Антоновичъ и этому на роду уже было написано, что съ его появленiемъ будетъ шабашъ Бироновщинѣ и потому остается только удивляться, какъ Биронъ сразу не замѣтилъ, что въ этомъ маленькомъ червячкѣ его врагъ, что этотъ невинный мальчуганъ, ни о чемъ не думающiй и ни чего не желающiй, порогъ, черезъ который Биронъ былъ долженъ споткнуться.

Досада и обманутыя надежды мучили его несказанно и совершенно обезкураженный Биронъ бросился, очертя голову, въ заговоръ. Къ тому же и Анна по сiю пору не могла забыть ему того, что Биронъ при разбирательствѣ дѣла Долгорукихъ проявлялъ такое горячее участiе къ княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ и вотъ ввиду всего этого Анна Iоанновна порѣшила лишить своего сына герцога Петра Курляндскаго правъ на престолъ и объявила только что родившагося въ ту пору Ивана Антоновича своимъ наслѣдникомъ.

Бирона все это приводило въ бѣшенство и съ пѣной у рта, встревоженный и исхудалый отъ тяжкихъ волненiй, строилъ онъ новые планы и, нужно сознаться, въ этомъ отношенiи трудно было подъискать ему равнаго.

Одной изъ его главныхъ заботъ было обезпечить положенiе своего незаконнорожденнаго сына, нужно было этого счастливца „пристроить“ тѣмъ болѣе уже по тому, что августѣйшая „maman“ стала къ нему за послѣднее время ужъ слишкомъ хладнокровна. Находчивый курляндецъ сразу подмѣтилъ, съ котораго конца нужно было начинать и порѣшилъ

поэтому женить его на княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а что этотъ бракъ, которому однако привелось состояться, ничего другаго, кромѣ полнаго счастья не обѣщалъ, можно уже было судить по тому одному, что счастливому жениху о ту пору было всего лишь пятнадцать лѣтъ, а опытная, горячо имъ любимая невѣста находилась всего только — на тридцать второмъ году! Но этотъ союзъ, важный самъ по себѣ, казался старому ворону недостаточно вѣскимъ въ политическомъ отношеніи и поэтому Биронъ предпринялъ дальнѣйшіе шаги и всѣми силами пытался свести свою двѣнадцатилѣтнюю дочку съ десятилѣтнимъ Петромъ Гольштинскимъ, единственнымъ въ живыхъ находившимся внукомъ Петра Великаго. Да, Биронъ заботился о своихъ дѣтяхъ и все это, какъ онъ увѣрялъ, для блага родины, находившейся въ рукахъ лжеправителей, для блага дорогаго его сердцу народа, лишеннаго по волѣ узурпаторовъ своихъ правъ!

Въ октябрѣ 1740 г. умерла царица Анна отъ ревматизма, какъ было объявлено вѣрноподданнымъ. Остерманъ опять окрасилъ свое лицо лимоннымъ сокомъ и забрался, охая и кряхтя, въ постель и, разумѣется, отсюда велъ государственныя дѣла, отдавалъ приказанія и между прочимъ „назначилъ“ и кому править „богатой“, но лишенной порядка страной.

Его повелительная рука остановилась на наслѣдникѣ Иванѣ, двухмѣсячномъ ребенкѣ и пока самодержецъ всероссійскій не достигнетъ совершеннолѣтія, бразды правленія имѣли находиться въ рукахъ регенства, регентомъ-же имѣлъ счастіе быть назначенъ никто иной, какъ заслуженый Биронъ, герцогъ Курляндіи.

Но въ сущности все это назначеніе имѣло лишь цѣль, подъ добрымъ предлогамъ, незамѣтно для вѣрноподданныхъ, провести путь къ престолу. Это было лишь временной сдѣлкой, благодаря которой какъ Биронъ, такъ и Брауншвейгецъ могли надѣяться на лучшее

для нихъ грядущее и все дѣло было лишь въ томъ, кто кого изъ этихъ политическихъ Геркулесовъ осилитъ.

Биронъ, самоувѣренный какъ всегда, выступалъ гордо и смѣло, но увы! не долго длилось его регентство. Въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно для нашего высокаго сановника, во дворецъ его ворвалась рота гренадеръ, подосланная славнымъ побѣдителемъ Турокъ, генераломъ Мюнихомъ, вытащила своего повелительнаго правителя и высокую супругу изъ постели и послѣ должныхъ назиданій отправили герцогскую чету въ Шлюссельбургъ, гдѣ и заточили ихъ въ крѣпости. Испуганная герцогиня выбросилась было въ одномъ ночномъ одѣяніи изъ окна, но завязла въ снѣгу и замерзла бы здѣсь несомнѣнно, еслибъ не подоспѣли къ ней на помощь солдаты и не извлекли ее изъ ея критическаго положенія.

Послѣ недолгаго предварительнаго заключенія, безъ разбора и суда, Бироны были сосланы въ Сибирь и бразды правленія были переданы попрежнему все еще вліятельными мужами, Мюнихомъ и Остерманомъ, матери царя-младенца, Аннѣ Карловнѣ, которая и была оффиціально объявлена регентшей Россіи.

Первое, чѣмъ эта мудрая правительница себя отрекомендовала, было возвращеніе къ высочайшему двору саксонскаго посланника, графа Линара, съ которымъ она поддерживала любовную связь, и котораго по настоянію предшественницы ея, Анны Іоанновны, отъ двора отозвали. Но чтобы эта связь ужъ не больно мозолила глаза прозорливыхъ вѣрноподданныхъ, Анна, какъ это практиковалось и до нея, помолвила Линара со своей гофдамой фонъ-Менгденъ, крайне пошлой и тупой женщиной, которая тѣмъ не менѣе съумѣла поставить себя на такую высоту, что и регентша, со всей своей высшей властью, какъ маріонетка, плясала по ея желанію. Объ Аннѣ упомянемъ еще парою словъ то, что о ней заповѣдано намъ историками, не дрожав-

шими предъ цензорами. Эта женщина, мегера въ полномъ смыслѣ слова, тупая, грубая, распущенная, хуже послѣдней проститутки, цѣлыми днями, немытая и нечесанная, валялась на турецкомъ диванѣ и исполняла обязанности регентши только лишь на бумагѣ, нерѣдко въ безсознательномъ состояніи подписывая документы самой первой важности.

Но Россія, видавшая всевозможныя напасти, переносила безропотно и это тяжкое испытаніе и многіе считали даже, что „новый курсъ", говоря словами императора Вильгельма, куда сноснѣе прежняго, бироновскаго.

Разумѣется и теперь во главѣ стояли тѣже титаны Остерманъ и Мюнихъ, отецъ же Ивана, шестаго по порядку, брауншвейгецъ Антонъ-Ульрихъ, представлявшій собою политическую нуль, смотрѣлъ изъ далека на то что происходило кругомъ и молилъ Бога, чтобы все это длилось какъ можно дольше, а о чемъ другомъ онъ не задумывался.

Дружно и довольно согласно работала эта удалая пара, загребая въ свою казну все, что попадалось на пути, но вдругъ и между ними произошелъ разладъ. Кто сильнѣе? — было и тутъ вопросомъ, и Россіи пришлось еще разъ пережить политическій кризисъ, сотый или и тысячный по своему порядку.

Остерманъ приложилъ всѣ старанія на то, чтобы отнять у Мюниха командованіе войсками, такъ какъ иначе угрожала ему опасность попасть туда-же, гдѣ жила и здравствовала семья герцога Курляндіи, — и вотъ наконецъ онъ этого добился: Мюниха подъ благовиднымъ предлогомъ перевели въ другое вѣдомство, а командованіе войсками — въ другія руки. Оскорбленный, или вѣрнѣе обезсиленный такимъ образомъ Мюнихъ подалъ въ отставку.

Итакъ путь для Остермана былъ свободенъ, и на небосклонѣ долгое время не было ни одной тучки, которой

слѣдовало опасаться. Меньшикова, Долгорукихъ, Бирона и Мюниха и др. давно уже не было среди оппозиціонистовъ, одинъ за другимъ пали эти вельможи и Остерманъ имѣлъ поводъ ликовать и радоваться своему успѣху. Теперь онъ зналъ чѣмъ обезпечить себѣ долгіе дни и счастливый закатъ жизни съ такой богатой программой и его первымъ шагомъ къ достиженію этого рая было, во чтобы то ни стало, возвести Анну Карловну на престолъ, лишивъ царя-младенца разъ-на-всегда какихъ бы то ни было притязаній или правъ на царственный вѣнецъ. Но что за цѣль имѣлъ при этомъ тщеславный и эгоистичный премьеръ-министръ? Или по его мнѣнію эта княгиня была надѣлена дарованіями и нравственной силой, необходимыми для правленія страной и ношенія императорской короны, и она именно, а никто другой, обладала этими царственными качествами? Нѣтъ, въ этомъ не была суть, и если Остерманъ выбралъ Анну Карловну въ правительницы, то руководствовался при этомъ совершенно другими соображеніями. Онъ отлично зналъ умственныя и нравственныя качества своего высокаго протеже и, возведя Анну на престолъ, бразды правленія, по его соображенію, должны были перейдти совсѣмъ въ его руки, такъ какъ Анна Карловна, никому не обязанная въ отвѣтѣ, отдалась-бы всецѣло своимъ низкимъ страстямъ и разнузданности. Единственный членъ царственной семьи, имѣвшій еще значеніе для Остермана, это Елизавета Петровна, которая въ такихъ случаяхъ постоянно появлялась на сценѣ и представляла собою затрудненія для претендентовъ на славный россійскій престолъ, который долженъ былъ быть теперь упроченъ за Елизаветой и поэтому Остерманъ разсчитывалъ выдать ее замужъ (за кого, за кого ее только не прочили, а она все оставалась старой дѣвой!) за брата Антона-Ульриха, герцога Людвига-Эрнста Брауншвейгскаго. А совершивъ это, имѣлось въ виду назначить молодаго супруга преемникомъ Бирона, поручивъ

ему управленіе Курляндіей и поселивъ такимъ образомъ опаснаго соперника вдали отъ Петербурга, въ Митавѣ.

Но замыслы и проэкты находчиваго Нѣмца не совсѣмъ-то пришлись по сердцу заочно нарѣченной невѣстѣ. Ее занимали въ ту пору куда интереснѣе планы и ей улыбалась куда лучшая жизнь, стóило ей только согласиться на предложеніе Надира, шаха Персовъ. Крайне курьозно, но дѣйствительно правда, что шахъ просилъ чрезъ своего чрезвычайно уполномоченнаго руки этой старой дѣвы. Это было въ 1741 г. Посланникъ восточнаго властелина явился въ далекую сѣверную столицу съ 14ью слонами и 3000 сопровождавшими его. Слоновъ слалъ влюбленный Персіанинъ въ подарокъ и назначилъ 9ть изъ нихъ императору Ивану, 4хъ своей возлюбленной и только одного императрицѣ-регентшѣ, за что послѣдняя была крайне въ претензіи на Надира. Шахъ велѣлъ заявить въ Петербургѣ, что онъ получивъ Елизавету въ жены согласенъ измѣнить вѣрѣ своихъ праотцевъ и, ставъ самъ христіаниномъ, хотѣлъ привести въ христіанство и своихъ долгополыхъ подданныхъ, лишь бы только отдали ему дочь великаго царя Петра въ премьеръ-султанши его гарема.

Со всѣмъ этимъ Елизавета была согласна и находила свою будущую роль крайне интересной. Быть султаншей такого богатаго края, какъ Персія щекотало ея самолюбіе, къ тому же и жизнь въ совершенно новыхъ условіяхъ, среди евнуховъ и пр. казалась ей весьма заманчивой. Но увы! безпощадный Остерманъ судилъ иначе. По его политическимъ и дипломатическимъ соображеніямъ этотъ бракъ не былъ-бы столь важенъ, какъ предложенный имъ и вотъ, чтобы покончить съ персидскимъ шахомъ, Остерманъ пускаетъ свои руки въ ходъ и начинаетъ прямо съ того, что лишаетъ главнымъ образомъ заинтересованное въ этой исторіи лицо — Ели-

завету — возможности свидаться и сговориться съ чрезвычайнымъ посланникомъ съ далекаго востока. Глубоко обиженный Персъ покатилъ въ свою благодатную сторонушку съ пустыми руками, а царственному гарему по прежнему приходилось оставаться безъ православной красавицы.

Тяжко было Елизаветѣ промѣнять кукушку на горлянку, но что подѣлаешь, приходилось мириться и уступить волѣ регентши Анны или вѣрнѣе: волѣ хитраго нѣмца-писаря. Она поселилась въ Курляндіи.

Отсюда наша герцогиня Курляндская повела заговоръ противъ регентши и здѣсь-же порѣшила она попытаться еще разъ свергнуть Анну съ ея режимомъ и креатурами и порѣшила рискнуть всѣмъ: или, молъ, панъ — пли пропалъ. На этотъ разъ фортуна ей улыбнулась и дочь придворнаго повара, разбивъ на голову своихъ противниковъ, объявила себя императрицей и самодержицей всея Россіи и правила своей возлюбленной страной, которой она подарила такую бездну просвѣтительныхъ институтовъ, двадцать лѣтъ съ лишкомъ.

И она была дура, что и въ первыя свои попытки не прикладывала своей force majeure; давно могла бы она добиться царской короны, о которая она ни на мигъ не переставала мечтать, но ея безхарактерность, лѣнь и самыя циничныя увлеченія отвлекали ее отъ серьезнаго напора и дѣлали менѣе опасною для ея враговъ. Но какъ-никакъ, а Елизавета постоянно была окружена толпой приверженцевъ и благодаря крайней мягкости сердца ея къ мужскому полу, который конспираціонными планами отплачивалъ ей за ея любовь и нѣжность, она всегда имѣла рѣшительныхъ людей къ своимъ услугамъ. А такъ какъ любовь ея была безгранична и лучи этого свѣточа падали почти что на каждаго стройнаго и красиваго мужчину, будь онъ простой рядовой или генералъ-фельдмаршалъ, то и кругъ ея почитателей и друзей конспираціоннаго будуара былъ очень великъ,

это и помогло ей въ приведеніи своего проэкта въ исполненіе.

Первую роль игралъ среди этихъ интимныхъ друзей Елизаветы, ея лейбъ-хирургъ Лестокъ, происходившій изъ семьи гугенотовъ, бѣжавшей изъ Франціи въ Ганноверъ. Въ 1713 г. явился Лестокъ въ Россію и сталъ лейбъ-хирургомъ Петра Великаго. По неизвѣстно по какой причинѣ Петръ сослалъ его въ Сибирь, но по его смерти, въ царствованіе Екатерины Iой, Лестокъ вернулся вновь въ Петербургъ и былъ зачисленъ въ той-же должности ко двору княгини Елизаветы Петровны. Вскорѣ послѣ этого назначенія Лестокъ сдѣлался довѣреннымъ своей патронессы и современники передаютъ, что и этотъ мужъ науки нерѣдко замыкалъ за собою дверь княжеской спальни. Во всѣхъ предпріятіяхъ въ пользу Елизаветы, Лестокъ принималъ ревностное участіе и наконецъ-то ему тоже привелось видѣть и результатъ своихъ стараній, увѣнчанный такимъ громкимъ успѣхомъ.

Какъ отъ Франціи, такъ равно и отъ Щвеціи получалъ Лестокъ взятки и такъ какъ обѣимъ названнымъ державамъ крайне было важно заручиться вліяніемъ на русское правительство, то можно себѣ приблизительно представить, какія суммы серебра и золота сыпались въ бездонные карманы ловкаго посредника.

О ту же пору былъ политическій конфликтъ между Россіей и Швеціей, чуть-чуть было не окончившійся объявленіемъ войны. Швеція требовала обратно провинціи отвоеванныя у нея Петромъ Великимъ. Лестокъ погасилъ этотъ начинавшійся пожаръ, пообѣщавъ отъ имени Елизаветы вернуть спорныя земли мирнымъ образомъ и заручился такимъ манеромъ уже съ самаго начала увѣренностью, что Швеція признаетъ Елизавету Императрицей всея Россіи.

Что же касается Франціи, то Елизавета была по горло въ долгахъ у французовъ и уже съ давнихъ поръ жила рѣшительно на счетъ довѣрчивыхъ галлійскихъ креди-

торовъ. Даже всѣ ея заговоры и замыслы производились на французскія деньги; такъ напр. и на предпринимавшийся переворотъ ссудилъ ее французскій посланникъ монсье де-ла-Шетарди 40,000 дукатами. Но это было извѣстно лишь тѣсному кружку друзей Еливаветы, въ числѣ коихъ находились Лестокъ, ея камеръ-юнкеръ и другъ Воронцовъ, да Нѣмцы Шварцъ и Грюнштейнъ, на обязанности коихъ лежало подготовленіе войска къ перевороту въ пользу дочери Петра Великаго.

А съ гвардейцами Елизавета еще со временъ ея возлюбленнаго Шубина стояла на хорошей ногѣ и поэтому она и теперь не замедлила вступить съ ними въ сношеніе, чтобы обезпечить себѣ такимъ образомъ уже впередъ поддержку съ этой важной стороны. Заговоръ велся съ удивительной энергіей и заговорщики глядѣли съ увѣренностью въ непремѣнный успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ. Ночью, съ 5го на 6ое декабря 1741 г. было назначено приступить къ дѣлу и вотъ вскорѣ пополуночи неустрашимая Елизавета, подкрѣпясь молитвой и лобызаніемъ креста и испрося свыше благословенія, пускается въ путь, отправляется въ казармы Преображенскаго полка, беретъ 200 человѣкъ рядовыхъ, подкупленныхъ Шварцемъ и Грюнштейномъ водкой и деньгами, и ведетъ ихъ къ колыбели царя-малютки Ивана, чтобы разъ навсегда покончить съ ненавистными супостатами и разъ на всегда изгнать изъ Россіи браунгшвейгскихъ, столь опасныхъ для нея пришлецовъ. „Славно“ постояла эта бурная, полупьяная орда за свою будущую царицу-матушку и характерно для личности Елизаветы то обстоятельство, что въ числѣ всѣхъ этихъ сотрудниковъ не было ни одного офицера. Послѣднихъ наша героиня въ свои тайны не посвящала и если успѣла она стяжать себѣ любовь, уваженіе и честь въ рядахъ простыхъ солдатъ, то происходило это не изъ ея благородныхъ качествъ и т. д., а только лишь благодаря той тупости, безстыдству, пошлости и раз-

врату, которые были такъ особенно свойственны ея царственному типу и которыми „она прямо таки щеголяла“, какъ говоритъ историкъ Германнъ.

Вмигъ было покончено съ брауншвейгцами, и когда добрые петербуржцы 6го декабря проснулись, то вчерашнихъ боговъ уже не было, о чемъ горожане, разумѣется, еще не имѣли никакого понятія. Да къ тому же, признаться, такіе перевороты уже давно перестали быть новыми и никого больше не волновали и даже и не удивляли, хотя и случались повременамъ неожиданно. Саксонскій посольскій секретарь докладывалъ своему двору объ этомъ переворотѣ между прочимъ такимъ образомъ: „Я увѣренъ въ томъ, что вполнѣ достаточно отряда гренадеръ, виннаго погреба и мѣшка съ золотомъ, чтобы можно было безъ боязни убивать, кого только угодно“.

Но нужно отмѣтить при этомъ тотъ фактъ, что эта елизаветинская ампутація, произведенная надъ малюткой помазанникомъ обошлась безъ всякаго пролитія крови, что въ подобныхъ случаяхъ далеко немаловажно.

Брауншвейгцевъ отправили въ Шлюссельбургъ и заключили въ крѣпость, а нѣсколько лѣтъ спустя, по заботливости прусскаго короля-капрала Фридриха IIго, проявившаго къ своимъ родственникамъ, рѣшительно безвиннымъ брауншвейгцамъ, особенно нѣжныя чувства, ихъ „безъ вины виноватыхъ“ сослали на сѣверъ и поселили въ маленькомъ городкѣ Холмогорахъ, гдѣ и влачила несчастная семья самое безотрадное существованіе. Пруссакъ опасался того, что Шлюссельбургъ такъ близокъ къ Петербургу и поэтому и порекомендовалъ болѣе раціональный родъ наказанія. Что же касается дитяти Ивана, то онъ оставался по прежнему въ шлюссельбургскомъ казематѣ и росъ благодаря безчеловѣчному съ нимъ обращенія положительнымъ идіотомъ. Кто знаетъ, быть можетъ, нашелся бы какой нибудь храбрецъ съ планомъ освобожденія Ивана и провоз-

глашенія его императоромъ? И несомнѣнно, кровожадная коронованная проститутка, Екатерина IIя, руководствовалась подобными соображеніями, когда приказала убить Ивана, чтобы съ этой стороны не было никакихъ опасеній.

Итакъ le roi est mort! vive le roi! Елизавета Петровна считалась съ сегодняшняго дня Божіею Милостью императрицей и властительницей судебъ народныхъ и, разумѣется, однимъ изъ ея первыхъ дѣлъ было, возможно скорое вознагражденіе достойныхъ и наказаніе непослушныхъ Россіянъ.

Остерманъ и Мюнихъ, еще недавно обжалованные царскими щедротами, сидѣвшіе на-полкѣ и ожидавшіе отъ нечего дѣлать лишь смерти, такъ какъ наворовано было достаточно, а на что другое эти вороны, признаться, проявили не много способностей. А тутъ вдругъ гроза! Вдругъ гроза и на ихъ сѣдыя головы! Да какія ужасныя обвиненія-то! Вѣрится трудно, такъ какъ сѣрая народная масса какъ одного, такъ и другаго считала благодѣтелемъ. Старикъ Остерманъ съ испугу на этотъ разъ дѣйствительно серьезно захворалъ и что ждало его? приговоръ къ смерти! да какъ — чрезъ колесованіе! Но и Мюниха ожидала не лучшая участь: приговоръ гласилъ: къ смерти чрезъ четвертованіе. Недолго длилось разбирательство, и вотъ насталъ день приведенія приговора къ исполненію.

Палачи уже ихъ раздѣли, топоры уже блестѣли на солнцѣ — все было готово, несчастные трепетали отъ ужаса и ждали кровавой развязки, а тутъ вдругъ посланникъ отъ царицы, издали еще, машущій бумагой, которою оповѣщалась царская милость и на основаніи которой несчастнымъ даровалась жизнь.

Благодѣтельная самодержица желала лишь надругаться надъ прежними первыми людьми имперіи, хотѣла наказать ихъ страхомъ и смѣнила жестокій кровавый приговоръ ссылкой виновныхъ: Остермана въ г. Березовъ,

гдѣ закончилъ свои дни въ изгнаніи немéньшій витій Меньшиковъ, а Мюниха въ г. Пелымъ, гдѣ и поселили его въ домѣ, построенномъ сверженнымъ имъ Курляндцемъ. Обоихъ лишили всѣхъ правъ и преимуществъ, накраденныя богатства были конфискованы и раздѣлены между новыми богами, между людьми елизаветинскаго курса; заточенцамъ же назначили по 1 рублю на день.

Остерманъ въ скоромъ времени очутился въ Сибири, гдѣ и умеръ 5 лѣтъ спустя въ тюрьмѣ, тогда какъ Мюниху была предначертана лучшая будущность. Двадцать лѣтъ спустя послѣ его сверженіе, царилъ въ Россіи Петръ III, оцѣнившій „преимущества“ Мюниха, котораго онъ, какъ и Бирона, призвалъ опять въ Петербургъ и приблизилъ къ праотцевскому трону.

Но за то, правда, по-царски позаботилась Елизавета о своихъ сообщникахъ! всѣ были награждены, кто только принималъ участіе въ приведеніи елизаветиныхъ проэктовъ въ исполненіе. Лестокъ, скорѣе коновалъ, чѣмъ врачъ, былъ возведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ „Генералъ-директоромъ всѣхъ медицинскихъ канцелярій“. Жалованья полагалось ему лишь 7000 рублей, да кромѣ того въ десять разъ больше доходовъ. Французскій посланникъ де-ла-Шатерди, ссудившій Елизавету деньгами, получилъ за старанія и хлопоты подарокъ въ 150,000 рублей и вотъ что говоритъ секретарь Пецольдъ, служившій при саксонской миссіи: „право трудно и даже невозможно описать того, какимъ образомъ расточались государственные капиталы и кромѣ недовольства этотъ родъ правленія ничего другаго не вызывалъ“.

Музыкантъ Шварцъ, такъ умѣло подкупившій и настроившій гвардейцевъ въ пользу Елизаветы, былъ пожалованъ въ полковники и получилъ кромѣ этого чина еще громадныя имѣнія. Но недолго пользовался хитрый нѣмецъ своимъ состояніемъ: онъ былъ заколотъ навозной вилой собственной крѣпостной дѣвкой. Что

же касается втораго агента Елизаветы, Грюнштейна, то этого надѣлила она особенно щедро: онъ числился нынѣ „за вѣрную службу царю и отечеству“ генералъ-маіоромъ и адъютантомъ ея величества. Но и этотъ не съумѣлъ удержаться на своей высотѣ: за критикованіе циничнаго образа жизни Елизаветы, его лишили всѣхъ высокихъ титуловъ, правъ и преимуществъ, отсчитали ему солидный кушъ ударовъ плетью и депортировали въ Сибирь на безсрочное поселеніе.

Но самый лучшій кусокъ выпалъ на долю гвардейцевъ, той двухсотнѣ, которая такъ мужественно и самоотверженно вступилась за обойденную правами Елизавету, которой она и помогла достигнуть „высшей власти“. Ихъ всѣхъ произвела благодарная царица въ дворянство и офицерскій чинъ и эта лейбъ-компанія числилась отнынѣ ротой ея величества, тѣлохранителями ея. Каждый изъ этихъ счастливцевъ получилъ въ подарокъ сотни душъ и землю и доходъ этихъ храбрыхъ воиновъ считался довольно крупными суммами. Отнынѣ они считали себя господами и нахальничали на основаніи этого права прямо таки до невозможнаго.

Елизавета стала благодаря ихъ вмѣшательству и ихъ поддержкѣ царицей и они считали ее поэтому своей „креатурой“, какъ выражается объ этомъ историкъ. Молодцы-ребята по цѣлымъ днямъ дебоширствовали, пьянствовали и развратничали въ Зимнемъ дворцѣ, таская туда и женъ и дѣвокъ своихъ и обходились съ Елизаветой совсѣмъ по панибратски. И если находился смѣльчакъ, указывавшій на нецѣлесообразность такихъ поступковъ и во всякомъ случаѣ на неумѣстность ихъ въ присутствіи государыни, чужеземныхъ пословъ и высшихъ чиновниковъ, то наши гвардейцы категорически заявляли, что они, молъ, господа здѣсь и кромѣ ихъ никто не имѣетъ никакихъ правъ на государыню и все ея правленіе! И Елизавета сама сознавала, что все то, чѣмъ она нынѣ гордилась, попало не добрымъ

путемъ въ ея руки и поэтому приходилось ей нерѣдко зажмуривать глаза и соглашаться съ тѣмъ, съ чѣмъ она въ душѣ расходилась. И эта буйная, грубая компанія была ей не особенно по сердцу, но что подѣлаешь когда хвостикъ замаранъ: приходилось мириться, такой властью какъ это было сърединѣ и концѣ ея царствованія она въ эти дни не пользовалась, почему и не могла дать должнаго отпора ненавистнымъ лицамъ. Она до того находилась съ рукахъ доблестныхъ сыновъ Марса, что даже обѣдать должна была съ ними за однимъ столомъ.

Но прежде, нежели идти дальше, послушаемъ какъ отзывается историкъ Германъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Исторія Россійскаго Государства“ (на нѣмецк. языкѣ) о правленіи достойной дочери великаго россійскаго преобразователя. Онъ говоритъ, что исторія Россіи того времени ничто иное, какъ образецъ самой худшей деспотіи Востока, ткань, сотканная изъ нитей самыхъ гадкихъ стремленій, низкаго самолюбія и пошлыхъ интригъ со стороны лицъ, стремящихся выше и ближе къ престолу.

Саксонскій же посланникъ фонъ-Герсдорфъ дополняетъ картину Германа въ своемъ докладѣ королю такимъ образомъ: „императрица нынѣ меньше чѣмъ кто и когда либо занимается государственными дѣлами. Благодаря ея образу жизни, полнаго непозволительныхъ погрѣшностей, она лишилась всякаго чувства уваженіе и почета со стороны подчиненныхъ, что однако крайне прискорбно. У насъ правятъ нынѣ случайности дня. Государыня относится къ серьезнымъ государственнымъ мужамъ или безъ всякаго довѣрія, или же признаетъ рѣшительно все, что ей докладывается. Сегодня довѣряетъ она тому, кого вчера еще считала за человѣка ненадежнаго. Чиновничество же о благѣ родины вовсе не печется и только и думаетъ лишь о томъ, какъ бы попрочнѣе сидѣть на мѣстѣ, да гдѣ бы открыть новый

источникъ косвенныхъ доходовъ. Положеніе финансовъ самое печальное и деньги до того рѣдки и ихъ до того мало, что рѣшительно всѣ въ долгахъ и корона въ положеніи купца, съ каждымъ днемъ ожидающаго банкрота. Разнузданность и распущенность солдатъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Торговля и промышленность съ каждымъ днемъ все больше приходятъ въ упадокъ. И гдѣ искать причину всѣмъ этимъ бѣдамъ какъ не въ безпорядкѣ, царящемъ во всемъ правительственномъ обществѣ, больномъ организмѣ. Серьезныя и спѣшныя дѣла откладываются со дня на день, всюду интриги, взяточничество, о правахъ и рѣчи нѣтъ, такъ какъ, кто у насъ силенъ тотъ и правъ.“

Положеніе столбовыхъ дворянъ съ воцареніемъ Елизаветы Петровны нѣсколько улучшилось, хотя о прежней боярской ордѣ еще рѣчи не было. Черкасскіе, Трубецкіе, Куракины, Бестужевы и м. др. всѣ занимали видные посты, но того вліянія на правителя, коимъ пользовались прежніе бояре, эти благородные патріоты своего отечества не оказывали, и далеко не невѣроятно, что эта разница главнымъ образомъ была въ томъ, что эти сановники располагали рѣшительно всѣмъ за исключеніемъ ума и способности занимать порученные имъ посты. Но этотъ грѣхъ былъ не такъ еще великъ. Извѣстный грабитель Бестужевъ былъ вовсе не глупъ и выручалъ блестяще своихъ бѣдныхъ духомъ коллегъ, да къ тому же главная работа въ департаментахъ исправлялась нѣмцами, хитрыми и въ свою очередь очень не глупыми. Эти работали, не забывая разумѣется того, что дома „жена и дѣти“, а русскіе столбовики собственноручно подписывали и сдавили важные документы съ бюрократической важностью по мѣсту назначенія. Тѣ такимъ образомъ были подчиненными часто даже заштатными, эти же получали ордена и чины, и наше отечество „процвѣтало“ подъ эгидой самодержавной Елизаветы какъ нельзя лучше.

Генералъ-директоръ медицинскихъ канцелярій, Лестокъ, имѣлъ въ первые годы царствованіе Елизаветы не малое вліяніе на образъ ея правленія и, признаться, онъ былъ единственнымъ изъ той малой горсточки людей, не утратившихъ окончательно человѣческаго образа, онъ будилъ Елизавету изъ ея апатіи и летаргіи, и Лестокъ былъ однимъ изъ немногихъ, умѣвшихъ хоть на нѣсколько минутъ въ день заинтересовать низкими страстями объятую развратную женщину политикой и судьбами страны.

Русская пословица гласитъ „на ворѣ и шапка горитъ" и, дѣйствительно, на Елизаветѣ горѣла шапка. Она знала, что все, чѣмъ она нынѣ располагала, было ею узурпировано и она боялась того, что найдутся въ одинъ прекрасный день смѣльчаки, которое поступятъ съ нею, какъ разъ такъ-же, какъ она и ея сообщники поступили съ ея предшественниками. Она по ночамъ не спала, боясь нападенія и если подъ утро въ пять или шесть часовъ смыкались глаза ея величества сномъ, то послѣдній длился почти постоянно до 2хъ или 3хъ часовъ дня. По ночамъ дежурилъ въ царской спальнѣ вѣрный лакей старикъ Чулковъ, обладавшій способностью просыпаться при первомъ малѣйшемъ шумѣ, за что онъ и былъ произведенъ въ каммергерры и генералы и надаренъ громадными богатствами. Чулковъ дремалъ на стулѣ и не покидалъ своего важнаго поста даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ея величество отдавалась оргіямъ и ночь за ночь проводила со своими безчисленными любовниками. Чулковъ зналъ все, но этотъ евнухъ зимняго дворца былъ скрытенъ какъ могила, за что и на его долю нерѣдко выпадалъ важный кусочекъ съ „царскаго стола".

И вотъ матрона просыпалась, къ ея постели являлся регулярно тайный совѣтникъ Лестокъ, щупалъ пульсъ ея величества и, разумѣется, все находилъ въ порядки, такъ какъ сообщая правду, онъ рисковалъ навлечь на

себя гнѣвъ своей повелительницы. Каммеръ-юнгферы опытными руками украшали истасканное тѣло царицы и вотъ во время этого процесса одѣванія и причесыванія, монархиня принимала доклады и мудрствовала съ генералъ-директоромъ о высокой политикѣ. Но только лишь эта пертубація оканчивалась, — прощай, политика! Накрывался столъ и кишмя кишѣла пьяная братія, среди коей, разумѣется, красоволась и наша помазанница свыше.

Мы уже отмѣтили выше тотъ фактъ, что Лестокъ былъ услужливъ не только по отношенію къ своей родинѣ, но что онъ получалъ также солидныя тантьемы отъ Пруссіи и Франціи, за что́, пусть ужъ судитъ читатель самъ. И вотъ, обладая разъ такой „интернаціональной" услужливостью и съ другой стороны вліяніемъ на свою монархиню, Лестокъ бралъ все, что лишь попадалось по пути и, вліяя на Елизавету, служилъ вѣрно Пруссіи и Франціи, стоявшимъ во враждѣ къ Австріи. Марія-Терезія сначала объ Елизаветѣ ничего знать не хотѣла и низачто не соглашалась на то, чтобы признать ее императрицей и происходило это послѣднее главнымъ образомъ потому, что Австрійцы еще во время царствованія Анны, послѣ неудавшагося заговора Долгорукихъ, предлагали покойной царицѣ объявить Елизавету незаконной царской дочерью и помѣстить ее въ монастырѣ. Лестока дѣло было ухудшить итакъ уже натянутыя отношенія этихъ двухъ державъ и онъ неустанно подкладывалъ угли въ огонь, чтобы вражда принимала все бо́льшие и бо́льшие размѣры.

Онъ съумѣлъ даже запутать австрійскаго посла Маркиза де-Ботта въ заговоръ 1743 г. противъ семьи Лопухиныхъ, такъ трагично окончившійся для „безъ вины виноватыхъ" и въ которомъ видна вся жестокость, вся пошлость женщины-звѣря.

Вся вина Лопухиныхъ заключалась въ томъ, что кто-то изъ нихъ правдиво, но крайне худо отозвался на

счетъ безпутнаго образа жизни Елизаветы, да къ тому же дѣвушки и женщины Лопухинскаго рода отличались, какъ признанно, удивительной красотой, что ужъ издавно сердило ревнивую Елизавету. И вотъ Лопухины очутились на скамьѣ подсудимыхъ, были присуждены къ ударамъ плетью, нѣкоторымъ изъ нихъ „за ложь и злословіе“ вырѣзали языки, которые тутъ же продавались палачами свирѣпымъ присутствовавшимъ, и послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ несчастные были сосланы въ Сибирь, гдѣ эти пытки смѣнились новыми. Лестокъ раскрылъ этотъ „государственный заговоръ“ и, разумѣется, доносчики и фискалы были награждены по заслугамъ и главнымъ образомъ былъ отличенъ нѣкій Бергеръ, котораго за это важное открытіе пожаловали генералъ-маіорскимъ чиномъ и деньгами.

Но планъ Лестока, запутать посланника, принялъ совершенно неожиданную развязку и Лестокъ потерпѣлъ фіаско. Марія-Терезія приказала обвиненнаго посланника Ботта pro forma посадить въ крѣпость и этой репрессаліей такъ подѣйствовала на обиженную самодержицу, что вражда между нею и „голой царицей“, какъ прозвала Марія Терезія нашу августѣйшую соотечественницу, превратилась въ интимнѣйшую дружбу.

Такаго конца Лестокъ во всякомъ случаѣ не ожидалъ и, разумѣется, дѣло не приняло-бы такаго хода, еслибы не вмѣшалась въ него враждебная Лестоку партія, во главѣ которой стояли вице-канцлеръ Бестужевъ и оберкаммергерръ, прежній любовникъ Елизаветы, графъ Воронцовъ.

А этихъ двухъ вельможъ подкупила Марія-Терезія и эти друзья ея умѣли „обдѣлать“ „голую царицу“ въ пользу Габсбурговъ, которыхъ положеніе въ ту пору, благодаря успѣшнымъ войнамъ Пруссаковъ подъ знаменами Фридриха II Великаго, было крайне не завидное.

Но политика что флюгеръ на мачтѣ вертится по направленію вѣтра, будь это десять, будь это двадцать разъ на дню.

Таково было и отношеніе Россіи къ Пруссіи. Только что строились козни противъ Фридриха, а тутъ вдругъ вѣтеръ съ противоположной стороны — и вчерашніе враги лежатъ въ объятіяхъ. Въ 1714 г. Фридрихъ уже имѣлъ такое громадное вліяніе на Елизавету, что съумѣлъ „всучить“ ей свою „питомицу“, въ сущности-же незаконную дочь, Софію-Фридерику (впослѣдствіе Екатерина IIа) принцессу Ангальтъ-Цербстскую, назначая ее въ жены полоумному племяннику самодержицы, Петру, гольштинскому принцу. Но не долго длилось время золотаго мира между русскимъ и прусскимъ дворами. Елизаветѣ сообщили, что Фридрихъ крайне неодобрительно выражается о безпутствахъ ея и она, такъ жестоко оклеветанная, разумѣется, не могла поддерживать дружескія отношенія къ подобнымъ лгунамъ и клеветникамъ.

Но не много лучше пришлось и французскому королю, деньгами котораго пользовалась Елизавета при приведеніи своего революціоннаго замысла въ исполненіе. Одной изъ бюрократическихъ креатуръ Бестюжева удалось праведнымъ или неправеднымъ путемъ раздобыть ключъ къ шифрованнымъ письмамъ французскаго посланника де-ла-Шетарди и такимъ образомъ Елизаветѣ однимъ разомъ больше удалось узнать мнѣніе ея-же приближенныхъ и поклонниковъ объ ея высочайшей особѣ. Въ этихъ письмахъ, безъ красокъ и лжи описывалась „обаятельная“ личность русской гетеры и вотъ что пришлось ей между прочимъ прочесть изъ этихъ корреспонденцій: „цѣлый день занимается царица или помышленіями о новыхъ любовныхъ затѣяхъ, или же сидитъ предъ зеркаломъ, наряжаясь то и дѣло, то въ одно, то въ другое платье. Шутки и сальные анекдоты преимущественная тема бесѣдъ Елизаветы. О какой нибудь ничтожнѣйшей бездѣлушкѣ способна она толковать часами и ея первѣйшее удовольствіе кутежи въ какомъ либо захолустномъ домѣ терпимости или же въ баняхъ; разумѣется все это производитъ она инкогнито, но въ

сопровожденіи своихъ друзей и поклонниковъ, рекрутирующихся изъ людей рѣшительно всѣхъ сословій, начиная съ дворниковъ дворца и кончая Лестокомъ и Бестужевымъ.“

Трудно описать злость и неистовства взбѣшенной этой истиной женщины, она просто рвала волосы и лѣзла на стѣну съ досады. Вѣдь авторъ этихъ мемуаровъ ея же поклонникъ, чего приходилось ей ожидать отъ другихъ лицъ, съ которыми она находилась во враждѣ, но которыя „во время оно“ стояли къ ней или вѣрнѣе, говоря словами Герцена, къ „ея высочайшему тѣлу“ еще ближе, чѣмъ названный посланникъ!

Виновнаго немедленно арестовали и подъ военнымъ конвоемъ отправили чрезъ границу и правда, остается только руками развести отъ удивленія, насколько французскій король Людовикъ XV боялся сѣверной мессалины, что вмѣсто того, чтобъ вступиться за поруганнаго своего представителя, онъ слалъ въ Петербургъ извиненіе за извиненіемъ и только и думалъ о томъ, какъ бы угодить Елизаветѣ.

Плохо пришлось де-ла-Шетарди, но куда плоше бѣдному Генералъ-директору Лестоку. Ему пришлось за все происшедшее расплачиваться. Онъ недосмотрѣлъ въ этомъ случаѣ и его заключили за „государственное предтупленіе“ въ Петропавловской крѣпости, драли тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сознался въ преступленіяхъ, въ дѣйствительности имъ вовсе не совершенныхъ, отняли у него его нескончаемыя богатства и раздарили ихъ людямъ бестужевскаго курса. Лестока-же самого, послѣ приговора къ плети, сослали въ Угличъ, гдѣ онъ и прожилъ до воцаренія Петра IIIго, призвавшаго маститаго сановника опять ко двору.

Лестока не было и нынѣ властвовалъ всемогучій Бестужевъ. Онъ искалъ приближенія къ государынѣ и нашелъ его въ томъ, что повѣнчалъ своего сына съ молодой графиней Разумовской, незаконной дочерью

Елизаветы. Замужъ царственная „maman" не собиралася и порѣшила даже по восшествіи на престолъ остаться старой дѣвой, ибо такимъ образомъ она могла легче отдаваться своимъ страстямъ. Въ наслѣдники предпочла Елизавета избрать сына ея сестры Анны, тупоумнаго Петра Гольштинскаго, такъ какъ съ этой стороны она имѣла всего меньше опасаться преждевременнаго свер-женія съ престола. А этотъ всѣми признанный идіотъ, какъ и жена его цербстская принцесса Софія-Фридерика или „Фикхенъ", какъ ее всюду прозывали, состояли въ особенно дружескомъ отношеніи къ Фридриху Великому, къ дѣйствительному отцу принцессы. Но эти добрыя чувства къ лукавому Пруссаку не смѣли проявляться открыто. Какъ то въ гнѣвѣ выразилась Елизавета о Фридрихѣ, что не будь онъ короноВонная особа, его имя стояло бы непремѣнно въ спискахъ обманщиковъ — и вотъ за „такія рѣчи" отношенія между Берлиномъ и Петербургомъ измѣнились къ худшему и „молодая чета" любезничали со старымъ Фрицемъ лишь тайно, опасаясь попасть въ руки Малюты Скуратаго, т. е. Бестужева.

Однако Елизавету всѣ эти распри мало интересовали и поэтому она и не такъ то ужъ заботилась о примиреніи съ Берлиномъ и что, право, за важность, что ей было до старика Фридриха, или до блага „горячолюбимой" Россіи, — любовниковъ имѣла она достаточно, вина было въ погребѣ довольно.

И вотъ однимъ изъ этой избранной рати царскихъ любовниковъ былъ и Алексѣй Разумовскій. Этотъ крестьянскій сынъ, хохолъ, обладалъ замѣчательно хорошимъ голосомъ, благодаря чему и удалось ему попасть въ придворный хоръ пѣвчимъ, а къ царицѣ бандуристомъ. И не случись исторіи съ любовникомъ Елизаветы, Шубинымъ, котораго Анна сослала въ Сибирь, Разумовскій такъ и остался бы навсегда пѣвчимъ, а тутъ ему вдругъ, какъ говорится, повезло: еще до

восшествія на престолъ пожаловала его Елизавета въ камеръюнкеры, говорятъ даже и повѣнчалась съ нимъ морганатически, а по достиженіи „высшей власти“ возвысила его до каммергерра, оберъегермейстра, графа и въ концѣ концовъ въ генералъ-фельдмаршалы, умалчивая о томъ, что онъ кромѣ того былъ обдаренъ съ ногъ до головы. Это былъ чудакъ-человѣкъ, крайне ограниченный, добродушный, безъ тѣни самолюбія или ревности. Историкъ Гельбигъ говоритъ о Разумовскомъ, что „его въ государственныя дѣла не вмѣшивали, Елизавета даже воспретила разъ навсегда тревожить его сіятельство какими бы то ни было правительственными вопросами, желая его такимъ образомъ поставить внѣ бурной и тревожной, полной интригъ, политической жизни“.

Говорятъ, что любовь Елизаветы къ этому счастливцу была иная, чѣмъ къ ея прочимъ избранникамъ. Дюкло въ своихъ „Mémoires secrètes“ сообщаетъ, что изъ этого „брака“ произошло восемь дѣтей, но ни одного изъ этихъ ребятъ Елизавета не пожелала признать оффиціально за своего и поэтому подруга и довѣренная въ любовныхъ похожденіяхъ царицы, итальянка Джіованна, приняла ихъ всѣхъ „на свой счетъ“. Бо̀льшая часть этихъ незаконнорожденныхъ царевичей и царевенъ была распредѣлена по монастырямъ, нѣкоторыхъ-же изъ нихъ отправили заграницу и лишь одинъ изъ елизаветиныхъ птенцовъ, названный Закревскимъ, пользовался счастьемъ, находиться въ томъ же С. Петербургѣ, гдѣ его возлюбленная „maman“ развратничала на пропалую. Этотъ Закревскій былъ позднѣе произведенъ въ тайные совѣтники, назначенъ президентомъ медицинскаго коллегіума и т. д. —

Одинъ братъ Разумовскаго, по имени Кириллъ, былъ уже съ 12ти лѣтъ, прямо изъ деревни, при дворѣ, но такъ какъ отъ него ужъ слишкомъ пахло мужикомъ, то и было рѣшено отправить его на счетъ царицы въ Берлинъ

для обученія, откуда онъ вернулся чрезъ шесть лѣтъ и былъ назначенъ Президентомъ Академіи Наукъ (sic!), а также гетманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. По смерти брата, Кириллъ унаслѣдовалъ отъ него несказанныя богатства, приносившія ему около трехъ-сотъ тысячъ рублей годоваго дохода.

Но Елизавета и своего перваго возлюбленнаго, сержанта Шубина, не забыла и тотчасъ-же по восшествіи на престолъ повелѣла розыскать его, а такъ какъ о ту пору преступники, ссылавшіеся въ Сибирь получали новое имя, то отъисканіе Шубина было, разумѣется, сопряжено съ массой трудностей и потребовалось ни мало времени, пока его наконецъ нашли случайно въ одномъ изъ подземныхъ заточеній Камчатки. Шубина, потерявшаго уже всякія надежды увидать свѣтъ Божій, расковали, нарядили и объявили ему царскую милость, благодаря коей отнынѣ онъ числился не бѣднякомъ сержантомъ, а уже помѣщикомъ и богачемъ генералъ-маіоромъ Шубинымъ. Онъ имѣлъ намѣреніе явиться опять ко двору, но Разумовскій настоялъ на томъ, чтобы Шубинъ поселился въ одномъ изъ „честно нажитыхъ" имъ имѣній. Къ числу фаворитовъ Елизаветы принадлежалъ такъ же и ея кафешенкъ, нѣкій Карлъ Сиверсъ, который, лакеемъ подаренный, по воцареніи Елизаветы „за заслуги" былъ пожалованъ въ обергофмаршаллы и германскіе рейхсграфы. Каммергерръ ея величества Лёлинъ, прежній крѣпостной крестьянинъ, былъ царицей замѣченъ на улицѣ во время ея прогулки. Краснощекій здоровякъ понравился Елизаветѣ, „плѣнилъ ея сердце", ну — и былъ, разумѣется, призванъ къ высочайшему двору, вѣрнѣе — въ спальню нашей bête humaine. Наша пословица говоритъ „за Богомъ молитва за царемъ служба не пропадаютъ" и вотъ видимъ мы оправданіе этой народной мудрости: конюхъ Вощинскій и слуга Скворцовъ „за вѣрную службу" были одарены чинами, орденами и несчетными помѣстьями. Пѣвчій изъ Крѣ-

постныхъ, по имени Полтарацкій, добился, выражаясь словами Гельбига, „тайными путями“ до солидной высоты дѣйствительнаго статскаго совѣтники съ титуломъ „превосходительства“.

Но иногда натыкалась сѣверная царица и на фіаско, какъ напримѣръ въ случаѣ съ горнымъ директоромъ, саксонцемъ Куртомъ фонъ-Шёнбергъ. Этотъ отвѣтилъ на ея предложенія, насколько заманчивы они ни были, отрицательно и какъ сообщаютъ хроникеры того времени не изъ нравственнаго благородства, стоявшаго на пути, а только лишь изъ боязни лишиться любви жены Лестока, по которой влюбленный-нѣмецъ сходилъ съума и съ которой онъ находился въ непозволительно близкомъ отношеніи. А что это была за особа, заглянемъ въ труды Гельбига, гдѣ о мадамъ Лестокъ говорится слѣдующее: „безсовѣстная, уродливая, грязная и пьянствующая женщина“.

Изъ всего приведеннаго видѣли мы, что ни малое число статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, каммергерровъ и графовъ было обязано государынѣ за пожалованные титулы и чины и если „вкусъ“ — bon goût — ея величества и мѣнялся довольно часто, однако Елизавета своихъ „вѣрныхъ слугъ“ и въ отставкѣ не забывала. А какая масса нашихъ сегодняшнихъ графовъ и князей, украшающихъ себя коронами да гербами ведетъ свое начало изъ того блаженной памяти, золотаго времени, — пусть судить проницательный читатель ужъ самъ.

Во всякомъ случаѣ Разумовскій былъ елизаветинымъ фаворитомъ очень долгое время: ему была она всего дольше „вѣрна“ (sic!), но пришелъ и ему конецъ, пропѣлъ и онъ свою лебединую пѣсенку и уступилъ въ 1751 году свое „доходное мѣсто“ каммеръ-пажу Ивану Шувалову. Этому-же выпало на долю быть послѣднимъ изъ Моғиканъ, такъ какъ солнце милости ея величества сіяло для него до заката, до смерти Елизаветы. Въ 1753 году родила Елизавета отъ Шувалова

дочку, которая считается той княжной Таракановой, за коей Екатерина Великая послала графа Алексѣя Орлова въ Римъ, имѣвшаго миссію волей или неволей доставить княжну въ Петербургъ.

Притащивъ ее насильно въ столицу, бѣдняжку запрятали въ шлюссельбургской крѣпости, гдѣ она и умерла ненормальной смертью. Шуваловъ, прокутившійся окончательно, о ту пору жилъ заграницей и, какъ передаютъ лѣтописи, нуждался порядкомъ, такъ что, когда къ нему было обращено предложеніе, вернуться въ Петербургъ къ царицѣ, онъ не медля, ни минуты похѣрилъ заграничную жизнь и покатилъ домой. Екатерина хотѣла его вѣроятно такимъ образомъ вознаградить за его дочь, княжну Тараканову, и осыпала его не малыми щедротами, такъ что Гельбигъ спрашиваетъ: „развѣ не видно изъ этого призванія ко двору, что Екатерина имѣла въвиду заплатить отцу деньгами и орденами за отнятую у него и насильно лишенную жизни дочку, лишь бы замять это гнусное преступленіе".

Но мы забѣжали впередъ.

Кто изъ насъ, читая эту ужасную хронику, можетъ себѣ представить, что Елизавета при всѣхъ ея недостаткахъ была учредительницей московскаго университета, основательницей Академіи наукъ, что ею была отмѣнена смертная казнь, отмѣнены таможни внутри Россіи и пр. и пр. и, право, нужно благодарить судьбу, что и о ту пору жили люди (Ломоносовъ, Панины, Сумароковъ, Миллеръ и др.) съ живымъ разсудкомъ и человѣческими стремленіями и, разумѣется, только благодаря присутствію этихъ названныхъ и многихъ еще другихъ выдающихся, даровитыхъ и благородныхъ личностей, наша родина и о елизаветинскомъ времени можетъ вспомнить не краснѣя за свое прошедшее, не краснѣя и за тѣ 20 лѣтъ!

Но не мало крови протекло за время царствованія дочери Петра Іго. Сейчасъ по вступленіе на престолъ,

Елизавета нарушила обѣщаніе Петра, данное имъ Швеціи и вмѣсто того, чтобы возвратить отнятыя у Шведовъ провинціи, она повела свои войска въ Швецію и отняла у нея Финляндію, поступившую съ той поры во владѣніе Россіи.

По окончаніи этой кампаніи, полки Елизаветы (около 100,000 чел.) были посланы въ Австрію на помощь противъ Пруссіи, враждававшей о ту пору изъ-за Силезскихъ владѣній съ домомъ Габсбурговъ. И тутъ разгорѣлась (1756—63 г. г.) семилѣтняя война, стóившая Пруссіи цѣлыхъ рѣкъ крови и громадныхъ денегъ. Въ этомъ походѣ Германія впервые увидѣла „русскіе штыки" и вотъ какъ доносилъ русскій Генералъ-квартирмейстръ, фонъ Веймарнъ, въ Петербургъ: „Въ первый день нашего вступленія въ прусскія земли, совершены были Русскими самыя гнусныя злодѣйства, насилія, грабежи и истязанія мѣстныхъ жителей, такъ напр. въ г. Гольдаппъ наши не только что причинили всякаго рода обиды поселянамъ, но они даже позволили себѣ такія выходки, какъ сожженія домовъ и раззоренія имуществъ неповинныхъ людей".

Въ Берлинъ вступили русскія войска 3го октября 1760 г. подъ командой генерала Тотлебена, около же воротъ прусской столицы стояли Австріяки и дѣло окончилось-бы для Пруссаковъ крайне печально, если бы находчивый Фридрихъ Великій не напалъ на мысль, попытаться „уладить" разгорѣвщуюся междоусобицу мирнымъ образомъ, обратясь къ канцлеру „благополучныхъ Россіянъ", Бестужеву. И дѣйствительно, попытка вѣдь не пытка, да и спросъ не бѣда. Миролюбецъ канцлеръ, такъ особенно пекшійся о благѣ святой своей родины, тотчасъ-же откликнулся на зовъ прусскаго короля, а прусскій посланникъ, игравшій при этомъ роль посредника, поднесъ Бестужеву подарочекъ ровно въ 100,000 талеровъ наличными деньгами. Такимъ образомъ эта вліятельная особа была въ рукахъ враговъ

и оставалось сговориться еще съ Тотлебеномъ, который тоже получилъ свою толику „по чину".

Елизавета объ этомъ подкупѣ не знала и полагала, что настаиванія канцлера на томъ, чтобы она подписала миръ, вытекали непосредственно изъ его убѣжденій.

По какъ-никакъ, а Елизавета не хотѣла окончить кампанію ничѣмъ и поэтому не сразу рѣшилась на отозваніе войскъ обратно и поставила этимъ Бестужева въ довольно неловкое положеніе, такъ что этому ужъ въ свою очередь пришлось „въ мутной водѣ рыбу ловить" и пришлось поэтому и въ трехстахъ тысячахъ подѣлиться съ Апраксинымъ, Ферморомъ, Салтыковымъ и др. полководцами.

Эти же были богами въ дѣйствующей арміи и по лѣни не особенно-то радѣли о томъ, чтобы разбить врага и занять его владѣнія. Они, какъ говорится, скорѣе ради пущей важности, давали приказанія и водили армію съ позиціи на позицію, давая такимъ образомъ Фридриху время для сбора своихъ войскъ и подготовленія къ успѣшному отпору врага.

И въ сущности поведеніе названныхъ генераловъ было вовсе не настолько непонятно какъ то, быть можетъ, кажется съ перваго взгляда: въ Россіи уже давно курсировали слухи о скоромъ переворотѣ въ высшихъ сферахъ, такъ какъ здоровье Елизаветы, разстроенное безразсуднымъ образомъ жизни, причиняло самыя крайнія опасенія и что о возстановленіи его и рѣчи быть не могло, — давно уже было всѣмъ извѣстнымъ секретомъ. Смерти приходилось ожидать съ недѣли на недѣлю, со дня на день. А такъ какъ каждый въ Россіи зналъ, что преемники Елизаветы, какъ Петръ, такъ и женушка его, благовѣрная Екатерина, рьяные поклонники Фридриха, то, разумѣется, генералы съ видами на будущее не особенно-то допекали старика Фрица, боясь навлечь на себя немилость названной четы и боясь того, что за слишкомъ большое радѣніе въ этомъ направленіи, имъ

пришлось бы имѣть потомъ дѣло съ агентами Фридриха и, Богъ знаетъ, чѣмъ могла бы окончиться такая исторія.

И вотъ такимъ то образомъ рѣшалась судьба Пруссіи при петербургскомъ дворѣ и главными лицами этой трагикомедіи были канцлеръ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ которымъ однако не привелось пользоваться плодами своихъ рьяныхъ услугъ, такъ какъ они оба при этомъ должны были демиссіонировать, но за то ихъ наслѣдники и замѣстители тѣмъ шикарнѣе отпраздновали примиреніе и тріумфъ и побѣду ихъ услугъ по отношенію къ династіи Гогенцоллерновъ.

Но вотъ настало 5ое января 1762 г. и съ нимъ пробилъ послѣдній часъ благовѣрной царицѣ. Елизавета „въ Бозѣ почила", благословляя своими грязными руками не менѣе того грязную парочку, Петра и супругу его, Екатерину.

Ея нестало, не стало „прославленной, благородной, великодушной монархини", о которой выражается Гельбигъ коротко, но ясно: „она, говорить онъ, двадцать лѣтъ правила самымъ незначительнымъ образомъ, была постоянно до безчестія пьяна, проводила ночи и дни, отдаваясь самымъ скотскимъ страстямъ и сослала за это время до 80,000 человѣкъ въ Сибирь".

Объ ея концѣ сообщаетъ тотъ-же историкъ: Главной болѣзнью Елизаветы констатированъ скорбутъ, послѣдствіе ненормальной жизни и развитія этой ужасной болѣзни не могла даже пресѣчь крайняя чистота бѣлья и тѣла, доступныя далеко не каждому изъ насъ, простыхъ смертныхъ. Болѣзнь принимала все бóльшіе и бóльшіе размѣры и, разумѣется къ ней присоединилось еще не мало всевозможныхъ болѣзней, добытыхъ Елизаветой все изъ того же источника — необузданнаго пьянства и чрезмѣрныхъ половыхъ удовольствій. Даже въ послѣднее время болѣзни, она не переставала пить и, понятно, что конецъ явился скорѣе, чѣмъ его можно было ожидать".

О личныхъ свойствахъ и преимуществахъ героини нашего повѣствованія, передаетъ Гельбигъ: „Изъ всѣхъ качествъ, облагораживающихъ женщину, за Елизаветой не числилось ни одного, но за то она блистала пороками не только одного женскаго, но и мужскаго пола. Ея отношеніе къ мужчинамъ и обхожденія съ ними были настолько предосудительны, что, право, даже вовсе не строгій моралистъ и тотъ не могъ не признать ихъ за возмутительныя. Елизавета не искала въ мужчинахъ ума или душевнаго благородства и руководствовалась въ выборѣ своихъ любовниковъ исключительно внѣшнею красотою и „много обѣщавшимъ“ тѣлосложеніемъ. Разумѣется, живя постоянно въ водоворотѣ низкихъ страстей, Елизавета огрубѣла до невозможнаго и если она даже находилась и въ сознательномъ состояніи, ея поведеніе было и тогда не иное, какъ таковое уличной женщины. Умомъ она не располагала и даже то, чѣмъ ее надѣлила природа, прокутила Елизавета, какъ послѣдній пьяница свой послѣдній алтынъ. Нервы были окончательно притуплены, способность пониманія и усвоенія — атрофирована и, право, не мало труда стоило министрамъ и сановникамъ, пока имъ удавалось растолковать безумной правительницѣ суть аудіенціи, ту или другую бумагу. Для нея составляло даже подписываніе документовъ, которыхъ она, однако, никогда не читала, громадный трудъ. Ей даже не обо всемъ докладывали, да она и не требовала этихъ докладовъ... Тѣ, которые были половчѣе, да рвались за честью, не гнушаясь средствами, могли безнаказанно продолжать свое ремесло и такихъ лицъ было не мало и они всѣ „дотянули“ до солиднаго чина и еще того болѣе солиднаго кошелька.“

И далѣе разсказываетъ Гельбигъ:

„Чтобы быть красивѣе и казаться любезнѣе, Елизавета полагала, что достаточно для этого красиво наряжаться. Она на дню, четыре, пять и даже шесть разъ переодѣвалась и надѣвала при этомъ нерѣдко даже каждый

разъ новое платье. — По ея смерти было найдено 15 тысячъ съ чѣмъ-то платьевъ, въ числѣ коихъ было не мало разъ или два одѣванныхъ и не мало совершенно новыхъ, неношенныхъ, два большихъ ящика съ шелковыми чулками, два другихъ ящика въ ленточками и бантами, нѣсколько тысячъ паръ сапогъ и туфлей и цѣлыя сотни кусковъ французскихъ и другихъ дорогихъ матерій"...

Въ заключеніе приведемъ еще сообщенія того-же безпартійнаго Гельбига, характеризующаго однимъ мѣстомъ понятія Елизаветы и людей ея пошиба о правѣ:

„Въ первую же ночь Елизаветинскаго правленія была принесена клятва, ни одного изъ виновныхъ не наказывать лишеніемъ жизни, опираясь на другія не менѣе радикальныя мѣры наказанія въ родѣ ссылки въ Сибирь и пр., и, дѣйствительно, болѣе 80 тысячъ „виновныхъ" были наказаны, кто плетью до изнеможенія, кто былъ обезображенъ пыткой, кого полумертваго гнали въ суровую Сибирь, предоставляя этихъ несчастныхъ, нерѣдко даже рѣшительно неповинныхъ, произволу судьбы и кто знаетъ, сколько слезъ, сколько стоновъ, сколько крови оставлено этими бѣдняками въ этой ужасной странѣ! До пересылки давались „преступникамъ" новыя имена и они должны были клясться при этомъ, не называться никогда больше своимъ прежнимъ именемъ. А для отъисканія все новыхъ и новыхъ жертвъ имѣлась особая тайная канцелярія или инквизиція, которая въ Россіи, подъ звѣздой ужаснѣйшаго деспотизма, свирѣпствовала куда отчаяннѣе, чѣмъ своими злодѣйствами прославленныя фанатическія инквизиціи Испаніи, Португаліи или Италіи. Доносничеству были открыты и дверь и ворота: кто занимался этимъ ремесломъ, на того сторонѣ была сама матушка царица, тому сыпалась казна и полагались всевозможныя льготы. Жертва-же такого подлаго дѣла заковывалась въ цѣпи, при чемъ арестовывался не только одинъ „виновный", но и

вся его семья, и пересылался онъ изъ одной тюрьмы въ другую, пока не попадалъ въ Петербургъ, гдѣ засѣдала особая по этому дѣлу комиссія. Годы протекали, пока начиналось слѣдствіе и годы смѣнялись годами, пока это важное слѣдствіе оканчивалось и начинался процессъ. Счастливъ былъ тотъ, за кого могло вступиться какое либо вліятельное лицо, такъ какъ въ противномъ случаѣ поселеніе въ Сибири было неминуемо. Такимъ образомъ участь даже благороднѣйшихъ людей находилась въ рукахъ самыхъ гнусныхъ злодѣевъ, которымъ, прикрываясь авторитетомъ царицы, стоило только произнести одно слово и этого было достаточно, чтобы раззорялись цѣлыя семьи, поселялось несчастіе въ дома самыхъ благонамѣренныхъ членовъ общества.

Какъ всѣ тираны и деспоты, такъ и Елизавета Петровна отличалась удивительнымъ чувствомъ страха и боязни, но къ этому чувству присоединялись у Елизаветы во первыхъ тяготѣніе къ роскоши, щегольству и расточительности, въ вторыхъ-же встрѣчаемъ мы въ нашей „безсмертной“ несказанную ревность. Каждый промахъ въ отношеніи того, чѣмъ оскорблялось самолюбіе государыни, считался за государственное преступленіе. Она сама предсѣдательствовала при такихъ судебныхъ разбирательствахъ и была строга и немилосердна.

Елизавета отличалась и крайнимъ тщеславіемъ и какъ мы уже замѣтили выше ревностью: о себѣ была она высшаго мнѣнія. И если кто либо изъ придворныхъ дамъ или дамъ свѣта была красива и если мужчины о красотѣ этой дамы выражались такимъ образомъ, что монархиня могла понять, что она не настолько красива, какъ ея „простая смертная“ соперница, или если кто имѣлъ неосторожность гдѣ либо замѣтить, что та или другая женщина милѣе императрицы, и это было услышано и донесено куда слѣдуетъ, то бѣда была неминуемая, и какъ несчастная обладательница красоты, такъ и

несчастные поклонники этой красоты осуждались самымъ жестокимъ образомъ. Царица превращалась въ фурію и ничто и никто не были въ состояніи удержать взбѣшенную завистницу въ ея свирѣпости.

Изъ ревности къ возлюбленному Шувалову, заподозрѣнному въ невѣрности, Елизавета предприняла положительное гоненіе и преслѣдованіе всѣхъ маломальски красивыхъ женщинъ сѣверной столицы. И, право, просто невѣроятны ужасы, совершенные въ то время, и все это гоненіе тѣмъ болѣе ужасно, что оно совершалось женщиной, всего болѣе заслуживавшей осужденія, такъ какъ, право, трудно представить себѣ женщину, которая была бы настолько же грязна, какъ царица Елизавета. Всѣ заподозрѣнныя въ романѣ Шувалова женщины, а также и тѣ, къ которымъ „дворъ“ почему либо не благоволилъ, арестовывались и отправлялись въ заключеніе. Даже замужнихъ женщинъ и матерей, и тѣхъ не щадила бездушная рука петербургской инквизиціи: ихъ силой вырывали изъ рукъ мужей, уводили отъ плачущихъ сиротъ и все это по одному лишь подозрѣнію, въ дѣйствительности даже часто лишенному всякаго основанія.

Несчастныхъ жертвъ отправляли въ тюрьмы, имъ отрѣзывали косы и обходились съ ними хуже, чѣмъ съ самыми зловредными преступниками.

Бо́льшую-же часть изъ этихъ женщинъ отправляли въ Петербургскій рабочій домъ, гдѣ онѣ должны были ткать и прясть и тутъ онѣ подвергались экзамену насчетъ любовныхъ похожденій каждой. Каждая была обязана давать вѣрныя показанія и эти заносились самымъ чиновнымъ порядкомъ судебными лицами въ протоколъ и предъявлялись ежедневно государынѣ. Эта же пошлая женщина потѣшалась ими и коротала такимъ образомъ день за днемъ своего „славнаго“ правленія. Она забавлялась этими скандальными анекдотами, которые при всей своей грязи все-же были чище и благороднѣе исторіи тайнъ Елизаветинскаго двора“.

„И ко всему этому, ко всѣмъ этимъ гадостямъ и низостямъ, о которыхъ безъ отвращенія даже вспомнить трудно, присоединялось еще крайнее суевѣріе, гаданіе, пророчества, рабскія поклоненія предъ лицами духовнаго званія, крайность въ распространеніи церковныхъ обрядностей, украшеніе и построеніе храмовъ и т. д. — все это было фантомомъ, называемымъ Елизаветой „религіей“....“

Такъ характеризуетъ Гельбигъ личность полуазіатскаго тирана, дочь перваго русскаго императора, личность женщины, такъ часто воспѣвавшейся Ломоносовымъ, и замѣтимъ въ заключеніе, что Гельбигъ числился записнымъ дипломатомъ, онъ былъ аккредитованъ при петербургскомъ дворѣ и скорѣе сказано имъ меньше чѣмъ слѣдуетъ, т. к. ожидать отъ него преувеличенія мы не имѣемъ повода.